

Лондонская премия представляет писателя

СВЕТЛАНА
АНГАРСКАЯ

ПРОСВЕТЛЕННЫЕ
И ОСВЕЩЕННЫЕ

Лондонская премия представляет писателя

Светлана Ангарская

Просветленные

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ангарская С.

Просветленные / С. Ангарская — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-907350-01-4

Эта книга – своеобразная притча о добре и зле. Отрицательная энергия зла, излучаемая в последнее время людьми, угрожает нашей планете окончательно сойти с орбиты, тянет Землю в бездну, и чтобы спасти ее и выжить, нужно очиститься, избавившись от своего эго, достигнув состояния некоего абсолюта, называемого просветлением. Девяностые годы в России. Лихое время, когда каждый решал для себя, как жить: по совести или как хочется, ведь кругом столько соблазнов и тлетворный дух парит в воздухе. В центре внимания творческая интеллигенция. Ее метания, поиск смысла жизни и творчества в это смутное время. Главный герой романа кинорежиссер Димов снимает фильм о средневековом мыслителе и ученом Мишеле Нострадамусе. Задумана целая эпопея, но денег на съемки вечно не хватает, ведь финансирование культурных программ в стране прекращено. Герои романа попадают в тяжелые ситуации, пытаются завершить свой проект. Действие переносится из Москвы в Нью-Йорк, Таиланд, Тибет, на Байкал. В романе много сцен со съемок фильма о пророчествах Нострадамуса, который по сути является вторым главным героем произведения. Вместе с Мишелем читатель проникает в глубокие миры подсознания людей, приоткрывая панораму вечности. Действие происходит при дворе французской королевы Екатерины Медичи, которой Нострадамус предсказывает судьбы ее детей, и во времена любимца и героя французского народа Наполеона Бонапарта, раскрывая перипетии его судьбы. Иллюстрации в книге работы художника, заслуженного деятеля культуры Республики Бурятия Виктора Жидяева. На Всероссийском конкурсе «Образ книги» в сентябре 2014 года они заняли призовое место в номинации «Лучшие иллюстрации к произведениям художественной литературы».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-01-4

© Ангарская С., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Будущее кроется в прошлом	7
Часть 1. Суета	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Ангарская

Просветленные

...Исследовать и испытать мудростью

Все, что делается под небом: есть тяжкое Занятие, которое Бог дал людям, чтобы они упражнялись в нем...

Екк. 1: 13

© С. Ангарская, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Будущее кроется в прошлом

В своем романе «Просветленные» Светлана Ангарская ставит перед собой сложную задачу. Она пытается создать роман откровенно приключенческий, с увлекательным острым сюжетом, но при этом насытить текстовую фактуру скрытыми философскими смыслами.

Чтобы осуществить такого рода художественный опыт, необходимо соблюсти несколько условий, при этом их сочетание и последовательность вытекают не из общепринятой творческой логики, а из авторской индивидуальности.

Главное условие (обязательное) – это найти нетривиальные пружины развития сюжетного пространства. Сюжет, пожалуй, самое сложное в большой прозе. Мало иметь фантазию и логику – важно замотивировать все поступки героев, найти ходы для психологических движений, а потом уже заставить персонажей совершать те или иные поступки. Посмотрим, как это выходит и выходит ли у Ангарской.

Сразу скажу, что претензий к автору тут не предъявишь. Погружая действие своего романа в девяностые годы, Ангарская воссоздает его детали вполне аутентично и помещает героев изначально в декорации выверенные и только для них подходящие. Находки обнаруживаются здесь не только в экспозиционной части, как, например, в описании московской квартиры главной героини романа Леры или в кинематографической кутерьме в жизни Димова, основного мужского персонажа, – не теряет чутья Ангарская и когда описывает города США, куда заносят героев сюжетные тропы, и когда в финале показывает быт Индии, смысловой и сюжетной Мекки романного мейнстрима в данном случае. Во всей этой пестрой географии герои передвигаются так лихо, что заставляют следить за ними затаив дыхание. Детектив здесь неявен, но ее величество интрига закручена крепко, притом без натяжек и передержек, с вполне натуральными подоплеками, очень характерными для описываемого времени. Действие походит на несколько маленьких рек, которые согласно входят в одно русло и текут к плывущему финалу: тут и любовь героев, и их прошлое, и их близкие, и их окружение, и те, кто встречается им, кто влияет на их жизнь. Во всем этом как много естественности, так и нет ничего случайного, ничего нарушающего авторскую систему координат.

Но все эти бесспорные достоинства текста все же не выводили бы роман Светланы Ангарской «Просветленные» из разряда добротной беллетристики, если бы не так называемый второй сюжет, второй вал событий, которые вроде бы на первый взгляд всего лишь сценарий фильма, который задумывает снять Димов, но на деле – это вместилище и сюжетных ключей, и кодов, и определяющих смыслов. Стоит отметить не только глубину проработки темы жизни Мишеля Нострадамуса, вокруг мистических способностей которого построен предполагаемый сценарий, но и умение написать вставные сцены так живо, что они не только не мешают следить за основными линиями, но и многое в них парадоксальным образом проясняют.

Так, Ангарская начинает интеллектуальную игру с такими темами, как предопределенность человеческих биографий и попытка эту предопределенность нарушить, преодолеть за счет череды стоических усилий. Любопытно, что прямого ответа автор не дает, но если сравнить судьбу Генриха Валуа, погибшего от случайной раны на рыцарском поединке, и коллизии жизни самого Димова, то можно проследить коренной замысел автора. Только духовная работа, только поиск себя, только постоянное стремление к совершенству способны пересилить рок и вывести человека к спасению. И самодовольный средневековый монарх, полный лишь воинственных замыслов и бесчеловечных развлечений, становится жертвой рока вовсе не случайно, равно как Димов, почти уже погибший, потерявший память, казалось, окончательно не справившийся с оглушительными фатальными обстоятельствами, всё же выбирается из пучины несчастий и вновь обретает то, что потерял, что не должным образом ценил.

В этом контексте лучше понимаешь название романа. Просветленные – это особый род людей, наделенный силой борьбы с тьмой, а тьма – это, как правило, и есть рок или то, что между людьми называется роковыми обстоятельствами.

Как мы видим, первое условие соблюдено с лихвой. А остальные? Остальные – вопрос, как я уже писал выше, индивидуальных особенностей авторского таланта.

Среди подобных особенностей у Ангарской я бы выделил безупречное чувство формы. Она знает, как распределить силы на большом романном объеме, где расставить акценты, а где дать читателю возможность спокойно плыть по волнам словес, наслаждаясь самой их многозначной сущью. И как часть этого формального чутья можно рассматривать и объемность описаний, и сложность характеров, и подробнейшую прорисовку не главных героев (Айгуль, Фелик, Мотя) и соотношение экспозиции, разработки и финала.

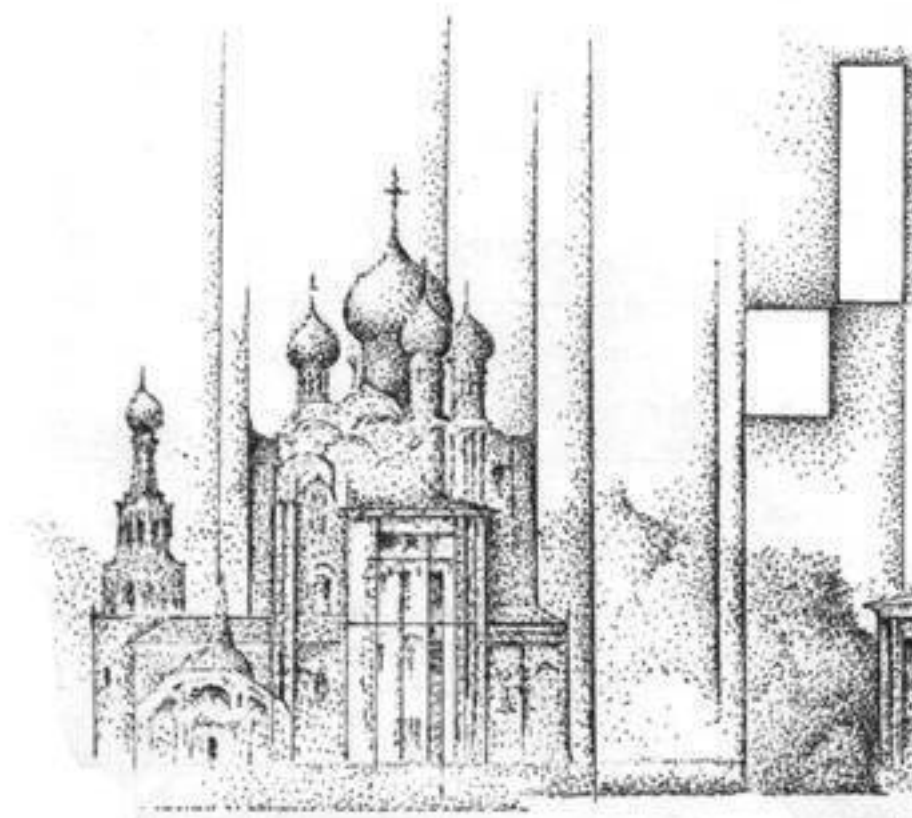
Меня порадовало, как тонко, уместно и не вычурно, совсем без швов, в историю Димова и Леры вкрапляются сцены из жизни Мишеля Нострадамуса, как точно обнаружены такие персонажи, как старый писатель-конъюнктурщик, как первая жена Димова Христина, как они важны для понимания всех личностных особенностей главных героев.

Будущее кроется в прошлом. Этот тезис Ангарская развивает по-своему, не банально, на более чем трехстах страницах, но этим развитием увлекает читателя и заставляет по-иному осмыслить прошлое не только нашего многострадального Отечества, но и свое собственное.

Максим Замшев

Главный редактор «Литературной газеты»

Часть 1. Суета

Съемочный день в павильоне подошел к концу, и уставшие за долгую смену осветители уже выключали свои софиты, а у него все не было удовлетворения от проделанной работы. Но что толку дальше мучить людей и технику, если что-то, по-видимому, еще не сложилось с этим эпизодом в голове.

Сегодня снимали в декорациях средневекового замка. Тщательно продуманные и довольно мрачные, они были залиты светом сверху, и от него все устали. Без освещения все погрузилось в полумрак. Вокруг было полно неуклюжих, но необходимых атрибутов съемочного процесса: камер, микрофонов, гигантских осветительных приборов, другой техники, бесконечных змеящихся кабелей. Между дублями все участники съемок носились по площадке, стараясь не споткнуться и что-нибудь не опрокинуть. Это отнимало уйму времени, так как людей было задействовано много: кроме основных актеров, техников, операторов еще и огромная массовка, не отличавшаяся дисциплиной и не имевшая опыта, к тому же наряженная в тяжелые, громоздкие костюмы Средневековья. За смену было отснято почти триста метров пленки: он позволял себе импровизировать. Это будет примерно десять минут экранного времени. «Но будет ли?» – недовольно думал он.

– Все свободны, всем спасибо, – устало сказал наконец Димов и, спотыкаясь, как все в погруженном в сумрак павильоне, направился в зал для просмотра. На съемках он не знал усталости: творческий процесс захватывал настолько, что заменял все на свете, но сейчас ему были необходимы положительные эмоции. И их он искал в удачно отснятом материале.

На экране замелькали кадры, которые смонтировали вчера.

«Тени Нострадамуса» – условное название фильма. Но действительно пока что только тени, досадовал режиссер, смотря на свое детище.

– Покажите лучше натуру, – попросил Димов. – Прованс, что ли...

* * *

Средневековый городок Прованса, утопающий в зелени платанов, судя по архитектуре, знавал и более счастливые времена. Однако и сейчас довольно потертые, но по-прежнему выложенные орнаментом мостовые – разноцветные звезды, полумесяцы, четкие квадраты, расположенные в шахматном порядке, – выглядели привлекательно. Каждый дом – с внутренним двориком, где бьет фонтан, с красивым белоснежным фасадом, коваными решетками в причудливых узорах и балконами, увитыми виноградом.

В этом райском местечке издавна было три мира: христианский, мусульманский и иудейский. Но на улицах городка все смешалось. Лаяли собаки, шли мулы, резвились мальчишки, нарушали тишину звуки ткацких станков. Чьи они? Какой веры их хозяева? Не все ли равно? Или вон те крестьяне на площади, что разложили свою зелень и фрукты на продажу. Разве будет хуже их виноград, инжир, финики, если узнать, какого они вероисповедания? Так и жили здесь все, похожие в своих заботах друг на друга. И даже одежды носили одинаковые, прованские.

По узкой улочке городка шли двое: уже седоватый мужчина – отец и юноша, которому было немного больше двадцати, – сын. Неспешно двигалась запряженная парой лошадей повозка, которую направлял юноша, держа под уздцы коня.

Камера все наезжала, приближая лица. Звук был живой, из экономии записанный при съемках. И неплохой, удовлетворенно отметил про себя Димов.

– Так ты говоришь, будто действительно предвидел чуму в Монпелье? – спрашивал юношу Исаак. – Но разве Господь не сказал: «Не ваше дело знать время и сроки»? Не случайность ли твое предсказание, Мишель?

– Может быть, конечно, один Бог знает, что такое вечность света, – начал было соглашаться молодой человек. Однако, подумав, возразил: – Но ведь Бог же и одаряет этим светом избранных, не объясняя его природы.

– Ты считаешь себя избранным Богом? – удивился отец.

– Ну вот, посмотри, – сказал сын, остановившись у окраинного двора. – Здесь и сейчас рождается новая жизнь, и будет это мальчик, о котором, может, в будущем заговорит мир.

Во дворе дома и вправду наблюдалось какое-то движение, слышались встревоженные голоса, и вдруг выбежал молодой мужчина и кинулся прямо к ним.

– Умоляю, врача! – волновался он. – Жена оступилась, и начались преждевременные роды! Одолжите свою повозку, наши-то в поле.

– Он уже здесь, – спокойно сказал Мишель. – Я врач, – пояснил он встревоженному мужчине. – Ведите к роженице.

– О Боже, как Ты милостив, – пробормотал тот и с радостью повел молодого человека в дом.

Отец устроился во дворе со стариком-хозяином и, пока Мишель помогал новорожденному увидеть свет, пил ароматный чай со свежими прованскими травами. Двор был просторный, с фонтаном, у его прохладной струи на красиво выложенном узорчатом полу стоял стол

для чаепития. Вокруг пышно цвели розы, а у забора тянули вверх нежные головки левкой и мальвы. Сидеть здесь, даже на южной стороне, было очень хорошо благодаря огромному платану, могучему дереву, по-видимому уже старому. Ствол в объёме имел не меньше трех метров, и крона накрывала весь двор, давая ясную тень, умеренно профильтрованную светом. И поскольку сиеста составляла важную часть летней жизни Прованса, столь разумно посаженное дерево во дворе было большой удачей. Неспешно беседуя, гость и хозяин вспоминали молодые годы.

– Моя жена долго не могла разродиться, как я ни молил Бога, – рассказывал Исаак, – и тогда, отчаявшись, я дал клятву, что приму христианство, если родится здоровый ребенок.

– Ну и что, приняли? – спросил хозяин дома, перекрестившись на икону, что висела над входом.

– Так вот же мой сын, врач теперь хороший, хоть и молодой еще. Его и родила тогда жена, почти сутки мучилась, бедная: крупненький оказался очень. Помог Христос, Ему теперь и верим.

В тех краях случаи перехода из одной веры в другую были не редкостью, и выкрестов имелось немало, поэтому такой клятве здесь никто не удивлялся.

Но вот раздался крик младенца: судя по всему, роды закончились успешно, и хозяин, радуясь первому внуку, принес кувшинчик с вином.

– Выпьем, крестный, – радостно сказал он, обращаясь к Исааку. – Теперь так тебя буду звать, ведь не зря же Бог нам послал вас прямо к порогу и в самое время.

– Что же, выпьем по такому случаю, – поддержал его отец Мишеля и, потягивая хорошее вино, принялся философствовать: – Вот жизнь, ну казалось бы, из ничего берется и ничего не стоит, а ведь ничего нет на свете, что стоило бы жизни...

– Да, – согласился хозяин, – нет такого, что бы можно дать взамен. Хоть и не всегда сладко на белом свете, да только нет ничего лучше радости бытия. Вот наработаюсь так, что ничего уж, казалось бы, не чувствую, а приму стаканчик – и снова хорошо, – откровенничал провансалец. – Воздух, море, хорошее вино – чего же еще желать? А если и дети хорошие, а потом внуки... Нет, жить хорошо...

На пороге дома появился счастливый молодой отец, он гордо нес своего первенца на руках. Следом шел, улыбаясь, Мишель.

А в том, что это был мальчик, Исаак уже и не сомневался. Вот ведь какой дар у его сына, а не только золотые руки врача.

– С матерью все в порядке, вот только отвар сделайте, – сказал Мишель, протягивая рецепт. – Пусть попьет, чтобы инфекции не было да кровотечение не началось.

И когда их повозка, щедро нагруженная дарами счастливых хозяев, тронулась дальше, Исаак не утерпел и все-таки спросил:

– Как же тебе удастся так предвидеть события?

– Не знаю, отец, я ведь особо и не стараюсь, просто, по-видимому, считываю идущую ко мне информацию. А вот кто ее посылает, и сам спросить боюсь...

Отяжелевшая повозка застряла у одного из дворов. Здесь резник Яков вышел встретить прибывших к нему военных во главе с рыцарем. На ограде висели десятки остро заточенных ножей. Рыцарь в темном плаще спешился и подходил к резнику, за ним следовала свита.

– Оба уйдут в мир иной, – сказал вдруг Мишель, – и рыцарь, и резник. Здесь и сейчас.

Отец испуганно посмотрел на сына. Тем временем действие разыгрывалось: рыцарь обратился к резнику:

– Яков, нам надо зарезать двух баранов, у нас пир. Сделай это.

– Сегодня суббота, – отвечал растерянно резник, – и правоверный еврей не должен работать в этот день.

– Но нам нужно мясо сейчас, а наш мясник болен, сломал руку, и больше это сделать некому, – раздраженно возразил рыцарь. – И притом, это же твой хлеб.

– Это невозможно, – сказал Яков уже более твердо, чем еще сильнее рассердил рыцаря.

– Я заставлю тебя поднять нож и в субботу! – вскричал он.

Но резник уже был спокоен и твердил свое. Вскоре он стоял на скамейке с петлей на шее. Рыцарь сунул Якову за пояс нож:

– Считаю до десяти. Перережь веревку – и ты спасен, или сам обречешь себя на смерть!

– Можешь не считать. Если Господу будет угодно, останусь жить и никакое зло не коснется меня. Правоверный еврей не поднимет нож в субботу.

– Десять! – крикнул рыцарь и ногой вышиб скамью.

Тело резника вздрагивало на дереве. Взбешенный рыцарь, вскочив в седло, тронул поводья, но второпях не попал ногами в стремя, а лошадь, испугавшись чего-то, уже понеслась и на всем скаку сбросила его прямо в открытый глубокий колодец. Облаченный в тяжелые доспехи, он сразу пошел ко дну и захлебнулся.

* * *

Глаза, конечно же, глаза, они должны быть белесыми или становиться такими в минуты прозрения. Крупный план и светящиеся белесые глаза, а потом видения, видения, видения...

Ну ладно, надо передохнуть, а то можно самому тронуться от этих видений, решил Димов.

– Феликс, пойдем кофе выпьем, – позвал он второго режиссера. – Пусть пока подготовят вчерашнее. Потом досмотрим.

– Давно пора, а то совсем в горле пересохло, – откликнулся тот со своей галерки.

– Ну скажи, что сегодня за день такой: столько усилий, а в тему попасть не можем, – пожаловался Димов, потягивая кофе. – То ли дело на натуре. Свежий воздух, что ли, помогает?

– Конечно, сравнил тоже – Крым или же павильон, хоть и мосфильмовский, – ухмыльнулся в усы Феликс, с наслаждением затянувшись сигаретой. – Эх, в городе Сочи темные ночи... А девочки там какие! Загорелые, томные, а?..

– Ну а ты каких сегодня привел? И где только таких доходяг нашел? Ну и массовка, – проворчал Димов.

– Здрасьте, так чуму же снимаем, чуму в Монпелье. Вот они и чумные во всей красе, – обиделся второй режиссер.

– Чумные-то чумные, но ни одного интересного лица, камеру задержать не на ком, – капризно заметил Димов. – Не забывай, это же Южная Франция, Прованс, а там и чумные с шармом были, наверное. Лазурное море, воздух, вино, любовь...

– Она самая морковь и есть, – опять затянулся второй, – только вот чем платить шарманистым-то будем, а? Эти ведь особо не торгуются, лишь бы на съемках потереться. А у тех претензии будь здоров! А денежек-то нема...

– Опять нема! – рассердился Димов. – Казалось, только сто тысяч зеленых банк отвалил – и опять уж нет!

– Опять, и скоро бандюганы за процентами явятся, что делать-то будем, Димыч? – начал сокращаться Феликс. – Убьют ведь.

– Не падайте духом, поручик, – задумчиво сказал Димов. – Что-нибудь придумаем, не впервой.

– Давно пора бюджет урезать, офис поскромнее нанять и разогнать кое-кого. А то вон в Ялту кого только не возили: и поварих, и педикюрш, не говоря уж про любовь-морковь. Ну а эту старушенцию Раису Кузьминичну, настоящую Шапокляк, зачем, какая сейчас редактора

в кино? Не советское время, слава богу. А ведь это хоть и ближе, но зарубежье все же, и тоже денег стоит.

– Ну не скажи, Феликс. Раиса Кузьминична не только редактор, она генератор идей, иногда такой поворот подскажет – закачаешься. Я с ней шестую картину снимаю, она как талисман, – улыбаясь чему-то своему, пояснил режиссер.

– Уж только во Францию ее не тащи, – умоляюще попросил Феликс. – Она ведь только в люксы селится, как Мэрилин Монро.

– Еще как поташу, как же без талисмана, – упрявился Димов. – А вот колодец мне все-таки не нравится. Понимаешь, не может здоровенный рыцарь так просто в него сыграть и моментально помереть. Нет, это не то.

– Ну давай его об дерево шарахнем, убийцу проклятого. Нога не попала в стремя, а лошадь понесла, вот он, бедняга, и треснулся головой, – предложил Феликс, – и насмерть. Только сценарист что скажет? Опять ведь запьет с горя после скандала. Или денег попросит. Да и смонтировано неплохо. Не бережешь пленку. При Советах тебя бы за это самого утопили.

– Да пошел он к черту со своими капризами! – отмахнулся Димов. – Деньги получил, чего ерепениться? Не пускайте его больше в студию, пусть себе отдыхает. Ну ладно, пойдем посмотрим, как сняли чуму.

* * *

Воздух над Монпелье был по-прежнему чист и прозрачен. И так же чисто звучал в нем звон колоколов. Переливаясь всеми гаммами и арпеджио, гудел большой колокол соборной церкви Святого Петра, перекликались с ним малые, все это сливалось в узор пленительных звуков. Но чудесное благозвучие совсем не соответствовало теперь облику прежнего города.

Он не был похож на себя и был ужасен. Грязные улицы заросли сорняками. Дома стояли заколоченные. Магазины и мастерские закрыты, храмы опустели, священники в смятении. Площади завалены обломками обрушившихся стен, вывороченными из мостовой камнями, выломанными рамами окон, разбитыми витринами лавок, разным скарбом, вытащенным из домов и тут же брошенным. Это здоровые еще люди защищались от чумы – строили баррикады. Здесь же валялись раздутые, обезображенные трупы. Рядом лежали истощенные больные, молившие о воде и хлебе. А некоторые, потерявшие всякую надежду на спасение, заворачивались в две простыни и устраивали себе похороны при жизни.

Оставшиеся на ногах держались кучно, отгораживались ото всех возведенными баррикадами на площадях, поближе к фонтану, предпочитая крышам чистое небо, даже рядом со смертью.

Облаченные в долгополые белые балахоны, Мишель и его помощники в масках, закрывающих лица, медленно шли по улицам, разбрасывая бурый порошок из кожаных мешков. Подходя к группе людей, раздавая свои пилюли, молодой врач призывал:

– Верьте в спасение – и ваша вера спасет вас!

В глазах измученных людей появлялись проблески надежды. Лицо совсем юной девушки осветил первый луч солнца, она измождена, но врач вселил в нее надежду на спасение, и она слабо улыбнулась. Еще миг – и она встряхнулась, вскинула голову, значит, не все потеряно. Она медленно встала, другая тоже попыталась подняться, глядя на подругу – и третья...

– Верьте – и вера спасет, – повторял врач, одаривая их своими лекарствами. – Это в рот, под язык, – пояснял он.

Ночью, когда уже смолк колокольный звон, Мишель вместе с отцом и помощниками работал в полуподвальном помещении, где стоял огромный стол с ретортами, спиртовками, медными и стеклянными сосудами. На стенах висели пучки прованских трав, издавна известных своими лечебными и магическими свойствами. Мишель изобрел рецепт розовых пилюль

и старался снабжать ими больных. По его наблюдениям, все, кто пользовался ими, выздоравливали, кто пренебрегал – умирали. Он был уверен в их эффективности и не скрывал состава своего порошка. Это опилки зеленого кипариса – одна унция, флорентийский ирис – шесть унций, гвоздика – три унции, ароматный аир – три драхмы, алоэ – шесть драхм. Лепестки трех или четырех сотен красных роз, собранных до росы, требовалось тщательно растереть и смешать с порошком, позаботившись о том, чтобы аромат снадобья не выветрился.

Из полученной смеси следовало сделать пилюли, которые пациент должен постоянно держать во рту. Чудесный аромат, по мнению врача, уничтожал гадкий запах и очищал зубы. Чума, считал Нострадамус, передается по воздуху, и, таким образом, чистый воздух сохранял пациенту жизнь.

В некоторых сосудах кипела вода, в них ссыпали истолченное зелье, отмеренное на медицинских весах. По многочисленным песочным часам засекали время.

– Ты напрасно упрекаешь меня, отец, в непоследовательности, – сказал Мишель. – Отвергая религиозные ритуалы в будущем, я прекрасно осознаю их силу и необходимость сегодня. Без веры в чудо исцеление невозможно.

Вера дает силы, она окрыляет. Вера – самая большая сила. Поэтому и звонят колокола, а в храмах идут службы. А кроме того, – добавил он, улыбнувшись, – я совсем не хочу, чтобы меня обвинили в использовании черной магии. Все, что я делаю, научно. Но чем больше я пользуюсь именем церкви, тем меньше у невежественных священников поводов обвинить меня в ереси...

* * *

– Ну, Димыч, совсем не плохо, – сказал Феликс, закуривая, когда они вышли на свет, – эпоха получается натурально, хотя и павильон. Зря ворчал, а девчонки и вправду как чумные, молодцы гримеры.

– Да нет, что-то не так, вернее, не точно. А где фальшь, не врублюсь, – сомневался Димов. – Ведь, с одной стороны, он ученый, медик, естествоиспытатель, а с другой – ясновидящий, мистик. Тонкие миры и все такое... А религия – ну при чем здесь она? Зачем ему ее отвергать или пропагандировать? Ну нелогично это. Хотя, наверное, для того чтобы выжить в Средневековье...

А может, все же лучше так: Мишель – избранник Бога, а ведь все от Него. Тогда он и видит глазами Бога, давшего ему ясновидение, тогда он обладает и Его блаженством. Про таких сказано: «Тот, кто обладает блаженством Творца, не боится ничего». Любые наши действия совершаются во имя Творца. Но тогда и плоды этих действий мы не должны считать своими. Ведь все деяния не от эгоистичных желаний человека, а от ситуаций, возникающих по воле Божьей. То есть необходимы наши действия, требуемые Богом. Вот он и борется с чумой так, вселяя надежду в людей...

– Ну вечно ты со своими исканиями, себя мучаешь, сценарий переделываешь, что автор-то скажет? – проворчал Феликс. – Опять ведь расскандалится!

– Пусть скандалит, – отмахнулся Димов. – Подумаешь, важность. Надо будет – и все перепишу. Хочу снять вещь, понимаешь, хорошую вещь. Где еще и поразмышлять о вечном, как не здесь, в этой теме! А у него лысовато как-то. Вот и надо бы поискать истину, более тщательно выписать текст, посильнее, повыразительнее, что ли, понимаешь...

– Ну ищи, ищи, только уж не чересчур, а то голову сломаешь. Пленки много тратишь на свои импровизации, в советское время давно бы под суд отправили за перерасход. Сегодня триста метров за смену прогнали. Раньше и двадцати хватило бы.

– Ну да, хватило! Раньше все липу в отчетах писали, – возразил Димов, – сам знаешь зачем. А сейчас бояться некого. Все так работают.

– Ну уж и все. А вот замучил ты своими импровизациями всех – это уж точно. Разве можно так? Себя не бережешь – так хоть о людях подумай, гений ты наш, – выговаривал Феликс другу. – Ладно уж, пошли лучше по пиву. А какой Мишель натуральный получается! – сменил он тему. – Ну скажи. И кто его нашел? Конечно же, я, умный, – погладил Феликс себя по голове. – А ты ведь тоже сначала в него не поверил. А я сразу вижу, что дело будет.

И приятели завернули в студийный бар, где было темно от висевшего в воздухе сигаретного дыма. Здесь, как теперь требовал стиль, имелся свой антураж. Вместо столиков стояли бочки, на которые и водружали большие пивные кружки. Пили стоя, по-простому. Пахло пивом, воблой, раками.

– Наташенька, нам две большие и раков по две порции, – попросил официантку Феликс.

– А что с деньгами, совсем на нуле? – спросил Димов, сдувая пену с кружки. – Надо будет все-таки кое-что переснять.

– Да нет, пленка-то есть пока, но аренда техники кончается, придется просить взаймы.

– Вот ведь времена настали, казалось бы, можно все, а высокое нивелируется. На ментов да бандитов деньги дают запросто, а на интеллектуальное кино надо опять занимать, да еще под большие проценты. А как отдавать потом?

– Так давай снимать про бригады, те же братки денег и дадут, – оживился Феликс, – хорошо заработаем.

– Да нет, дружище, сейчас духовное нужно людям. «Искусство, и ничего, кроме искусства! Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины», – так великие говорили.

– Ишь как, а кто великие-то?

– Ну, к примеру, Ницше, – ответил Димов.

– Так он ведь вроде не в себе был, – заметил Феликс.

– В себе или нет, а говорил верно, – настаивал Димов.

– Так я к тому, что ему, может, кушать не хотелось.

– Ничего-ничего, заработаем, подожди немного, – успокоил его режиссер. – Даст бог, выкрутимся.

* * *

Димов давно мечтал снять этот фильм, нравилась ему и тема, и возможность пофилософствовать в ней о волновавших его идеях. Ему уже за сорок, а главной картины, считал он, все нет. Так много чего хорошего делали, и не новичок он в кино – десятая эта по счету. Но все не то. Раньше, при Советах, этот сценарий не утверждали чиновники из Госкино. Не нравилась им мистика, соцреализм подавай. А теперь, в эти развалочные да бардачные годы перестройки, снимай что хочешь, но вечно не хватает денег. Его второй режиссер Феликс находил контакты, но все какие-то непрочные. Теперь вот взяли кредит у банка, а он, как оказалось, под бандитами ходит. Те пристают с процентами, и ничего ведь не докажешь, правды давно нет – джунгли.

– Слушай, Димыч, поедем к Лерке, там сегодня такой вечерок будет – именины сердца. Девочки складненькие придут. Я ей сказал, что тебя приведу, она жуть как обрадовалась. Тобой угощать общество будет. Модный режиссер, так я у нее про тебя в книжке вычитал. Давно просит с тобой познакомиться, – предложил Феликс, когда выходили из бара. Лерка была журналисткой и его давней приятельницей.

– А пожалуй, поедем, – согласился Димов. – На душе у меня сегодня мрачно как-то. Может, развеюсь.

И приятели направились к выходу.

Длинные коридоры «Мосфильма» в эти перестроечные годы были пусты. Снимали мало, в основном там размещались арендаторы. И казалось, от этого запустения здесь поселилась

нечистая сила. Так, по крайней мере, говорили сторожа и вахтеры. И действительно, гулять одному по этим когда-то оживленным местам было жутковато. Чудилось, что там и здесь из-за углов выглядывают привидения, поэтому, наткнувшись на девушек из массовки, приятели вздрогнули от их испуганного визга.

– Ой, мы с вами, – прильнули к мужчинам девчонки, – проводите до конца коридора.

– Идемте, – согласились приятели.

– А мы сегодня настоящее привидение видели, – поведала массовка, – прямо перед глазами мелькнуло, все в белом, а плащ с капюшоном, за тем вот углом.

– Да ладно глупостям-то верить! – засмеялся Димов.

– А что, ведь столько здесь разного люда прошло за все годы-то, – сказал Феликс, – и чистого, и нечистого. Да и отснято было много всякого. А теперь эта пустота. Вот и говорят, что при запустении сущности разные вселяются в созданные здесь образы и начинают бродить.

– И когда уже ты эту тачку сменишь, – проворчал Димов, залезая в старую «шестерку», – уже ручка отрывается.

– Да сменить можно, а где держать? Гаража-то, как у тебя, нет, уведут. Вон у Вадьки вчера «Опель» сперли. И искать даже не берутся. Лучше уж на развалюхе, но на колесах, – проворчал Феликс. – Знаешь, жизнь как-то сильно отличается на тачке и без нее. Одна надежда, что на такую старую не позарятся.

* * *

Валерия жила в центре, на задворках Тверской, со стороны Большой Дмитровки. Пятиэтажный старый, позапрошлого века, дом, наверное, когда-то доходным был. Красивый такой, крепкий, из серого камня, весь в вензелях, с высокими потолками и большими резными окнами. В просторных вестибюлях, которые даже неудобно было называть подъездами, располагались красивые винтовые лестницы, украшенные ажурными чугунными решетками с когда-то лакированными перилами. Этот добротный жилой фонд при Советах оказался отдан под коммуналки. И, конечно же, загублен. Народу здесь перебивало разного тьма: одни вселялись, другие выселялись, съезжались, разъезжались. И все вносили посильную лепту в разрушение этого когда-то монументального архитектурного сооружения.

Большие комнаты, некоторые до пятидесяти с гаком метров, безжалостно разделяли перегородками, плодя бесчисленное множество убогих комнатушек. Некоторые были украшены чудесными резными окнами и потому считались «аристократками» в этом коммунальном безобразии. Другие, им повезло меньше, имели только часть окна, но это тоже считалось хорошо, потому что были и те, которым вообще такового не досталось. Все эти комнаты, комнатки и комнатухи вели в длинные коридоры, имевшие, в свою очередь, выход на кухню с огромным количеством газовых плит и крохотных столиков. В одной из таких квартир проживали сорок восемь человек. А туалет был один, да и ванна тоже на всех одна. Настоящий коммунальный ад. Постепенно люди, старавшиеся выбраться из него, как-то разменивались. Тогда начало зарождаться кооперативное движение, и кто мог, в эти кооперативы вступал. В результате многие квартиры в этом доме стали отдельными. А сейчас, при перестройке, дом буквально рвали на части. Сильно понравился он «новым русским», и они принялись делать себе большие квартиры, расселяя коммуналки. И внутренность дома постепенно начала обретать былые формы. Фасад здания и подъезд имели теперь вполне достойный вид, потому что «новым» требовалась презентабельность и они часто делали ремонт и даже кое-что из украшений реставрировали. Вернулись на место лакированные перила, вновь покрывшие ажурные чугунные решетки лестничных пролетов. Аккуратно выложили мрамором пол вестибюля, появилась и бронзовая люстра, похожая на украденную отсюда в самое лихое время.

Родители Леры получили в этом доме две комнаты, тоже в общей квартире, еще в конце шестидесятых годов прошлого века, когда уже всюду шло расселение и строились первые кооперативы. Поэтому и их многолюдная квартира постепенно освобождалась и перестраивалась. В результате Лерин папа, по профессии архитектор, тоже сумел сделать свое жилье отдельным. Купил соседу кооператив на Ленинском проспекте – тот и умчался туда жить с только что народившимся младенцем, оставив свои две комнаты, выменянные у соседа, съехавшегося с престарелой матерью на Сретенке. Оставшиеся две семьи разделили квартиру пополам, так как у нее было два выхода: один в парадный подъезд, а другой с черного хода. Бросили жребий. Лериному отцу достался выход на черную лестницу, но эстет-архитектор этого не вынес и, доплатив соседу, все-таки получил для своей части квартиры дверь в парадный подъезд. А когда дедушка с бабушкой состарились, они выменяли у соседа с доплатой вторую половину. Так вся семья собралась вместе и, сняв перегородку, стала жить в большой и просторной квартире, где отец с матерью, которая из архитектора переквалифицировалась в дизайнера, сделали хорошую перепланировку и ремонт. После всех этих манипуляций у Леры с братом оказалось по отдельной комнате.

Какое это было счастье для маленькой девочки! Отдельное пространство, целый мир. Свою комнату Лера сразу же полюбила. Была она небольшая, всего пятнадцать метров, но зато ей досталось чудесное резное окно, в которое она любила разглядывать улицу. Здесь у нее с детства сложился свой мир, где бабушка читала ей сказки Пушкина. Впечатлительной девочке нравились чудеса, где на неведомых дорожках были следы невиданных зверей. Она любила слушать, как «тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных». И про царевну, которая «в темнице тужит, а бурый волк ей верно служит». Живое воображение рисовало заманчивые сказочные картины невиданных стран, дальних путешествий. Ее сочинение на тему «Твоя любимая вещь в комнате» имело в школе большой успех. А описала она свою хрустальную люстру, что напоминала ей сказочный бал Золушки.

Но самая любимая ее сказка была про маленького грустного принца с далекой чужой планеты. Экзюпери на всю жизнь подарил ей друга, с которым она мечтала в одиночестве, любила небо и звезды, рассматривая их долгими летними ночами из открытого окна. Ведь где-то там, далеко-далеко, жил ее друг – маленький принц, такой искренний и близкий ей по духу. Ночами ей снилось, что она летает с чудесной птицей, указывающей путь в волшебные царства. Как это было прекрасно – парить над землей, чувствуя себя тоже легкой и воздушной.

Повзрослев, она интересовалась многими не совсем обычными вещами, и ее находили девушкой продвинутой. Лера увлекалась духовными практиками Древнего Востока, ходила на йогу, читала литературу по эзотерике. О ней также говорили, что она с изюминкой. А была она скорее с чудинкой. И шло это чудачество из того самого глубокого детства, где в этой уютной небольшой комнатке и формировался ее мир мечтательницы и фантазерки. Особенно она любила здесь медитировать. Одной из ее практик был «небесный ковш» с миллионом лепестков белых роз, который она часто опрокидывала на себя. И этот пушистый ароматный веселый хоровод, спускаясь с небес и становясь бело-розовым, окутывал комнатку, улицу, город, весь мир, и он, как ей казалось, становился лучше и добрее. Это работало! Стоило ей только направить вверх взгляд, приказывая ковшу опрокинуться, как душистый бело-розовый «листопад» делал свое дело, улучшая любую ситуацию. Она верила, и это помогало выживать сейчас, в лихие, порой очень жесткие времена.

Уютная квартира в результате считалась пятикомнатной, хотя у нее после всех перестроек имелось еще много подсобных помещений и даже ванная с окном. А в большой комнате, которую бабушка называла залой, действительно просторной, свыше сорока метров, находились колонны, и убрать их было нельзя, так как они считались несущими.

Жили здесь весело. Множество родительских друзей с удовольствием приходили в гости в такие хоромы, пели, устраивали на Новый год разные игры и розыгрыши. Компания была

сплошь из людей творческих, активных и очень интересных. Так что Лера с детства привыкла и к большому количеству людей в их доме, и к богемному образу жизни. Продолжала эти традиции она и сейчас, когда семья разъехалась, а квартира опустела. Родители с бабушкой и дедушкой безвылазно жили на даче в Тарасовке, где был хороший, с удобствами дом. Евгений, старший брат, продолжив семейную традицию, тоже стал архитектором и уехал работать в Канаду.

Лера выскочила замуж еще на втором курсе университета, но Яков, художник-абстракционист, как его прозвал дедушка, явно не одобрявший его манеру писать, к пятому курсу куда-то испарился. Наверное, в Израиль подался – осуществил-таки свою давнюю мечту. Правда, в их семье этому факту никто не удивился, да и не расстроился, потому что пропадал Лерин муж часто. И родители нередко спрашивали ее, дескать, может, он и совсем тебя бросил? Но Яков каждый раз неожиданно объявлялся, загромождая их комнату новыми эскизами и картинами, объясняя свое отсутствие внезапным вдохновением, позвавшим его в дорогу, к примеру на Сахалин. Человек он был неорганизованный, отовсюду, где бы ни учился, его выгоняли за прогулы, в последний раз из Строгановки. Так что, когда он совсем пропал, бабушка даже прекрестилась. Дескать, слава Тебе Господи, от «антихриста» избавились, настолько все считали его фигурой неподходящей. Но перечить Лере при выборе не стали, так как она заявила тогда, что в противном случае уйдет из дома совсем, в восемнадцать-то лет. К тому же в семье всегда царил дух демократии и духовной вольности.

На ее свободу в плане замужества пока больше никто серьезно не покушался, не считая нескольких пройдох, с которыми встречи-расставания были недолгими. И хотя ей шло уже к тридцати, комплексов по этому поводу Лера не имела. В юности она покорила своего Якова нестандартной, яркой и в то же время нежной красотой, которую он и запечатлел на одном из ее многочисленных портретов. Он висел теперь в гостиной и вызывал большой интерес у гостей. Один богач даже предлагал за него неплохие деньги.

На картине в большом красивом окне, подобрав под себя ноги, сидела юная девушка, похожая на рыжую кошечку, такая же гибкая и воздушная, готовая в любую минуту разогнуть спинку и спрыгнуть. Зеленые глаза с поволокой были задумчивы и мечтательны. Настроение художник поймал, и этот теплый летний вечерок надолго оставался в памяти благодаря запахнутому окну. Лера не хотела предавать память юности, наверное, ей все-таки было тогда хорошо с непутевым Яшкой. И портрет оставался на своем месте, куда пропавший муженек сам его когда-то и повесил.

Сейчас она находилась в самом расцвете своей женской красоты. Густые и непослушные медные кудри по-прежнему красиво оттеняли бело-розовую кожу. Зеленые кошачьи глаза озирали лицо мощнейшим потоком энергии, настолько сильной, что одна из подруг называла Леру электрической станцией. В ней все было хорошо и интересно, и поклонники не переводились. А еще и работа постоянно сводила ее с неординарными людьми. Вроде скучать было некогда, но все же иногда ей казалось, что жизнь пуста, потому что нет в ней главного – любви.

В Яшку некогда она влюбилась с первого взгляда. Черноокий художник с золотыми кудрями до плеч, он был олицетворением чего-то богемного, неземного. Во всем искал прекрасное, что находило отражение в его картинах. Вдобавок любил философствовать, читать стихи Блока. Всегда был чем-то увлечен, но, к сожалению, не ею. Так говорили все, а она никого не слушала, веря только своему сердцу.

«Ведь я так люблю, разве моя любовь может остаться без ответа?» – твердила она себе. И, конечно, не осталась, художник увлекся, но, наверное, не очень серьезно, хоть они и поженились. Лера была счастлива тем, что любила. А он скорее позволял себя любить. Но она этого не хотела замечать. «Пока я люблю, я живу, – снова твердила она себе, – ведь без любви жить нельзя». И ей было хорошо, что он рядом, хотя частенько приходилось вытаскивать муженька из веселых компаний, где он вечно пристраивался к какой-нибудь девице. Он по натуре был

само влюбленный нарцисс, но Лера этого не замечала. И счастье ее кончилось только тогда, когда она разлюбила сама. Собственно, эта детская влюбленность, не осознанная до конца, может, и не была настоящим чувством, но уходила болезненно. Сначала Лера все надеялась и ждала, потом перестала ждать, но все еще любила. Потом ушло чувство и осталась тоска, которая умела прижать так, что белый свет был не мил.

В такие моменты не радовали и роскошные наряды: кучи кофточек, туфельек, шляпок и шуб. Все это было приобретено уже давно и в больших количествах, благо заработок теперь позволял, да и времена дефицита прошли. Одеться хорошо Лера любила и была завсегдатаем распродаж и презентаций новых коллекций, многие модные дизайнеры считали за честь заманить теледиву в свои бутики и пристроить в качестве рекламы на красавице свои шедевры. Но заглушить наваливавшуюся тоску этим разноцветным тряпьем все равно не удавалось, а порой оно сильно раздражало, вываливаясь из всех шкафов. Такому количеству одежды уже не хватало места, и надо было сооружать новые антресоли, но руки все не доходили.

Жила она сейчас одна и часто устраивала в своем элитном жилище различные светские тусовки, которые помогали быть в курсе всего модного и интересного в Москве, что давало пищу для ее интервью на канале, да и статей в глянцевого журналах, где она в последнее время старалась подрабатывать. Прийти к ней на вечеринку желали многие публичные люди, и она их тщательно сортировала, чтобы не свести случайно непримиримых врагов, которые этого ей потом никогда бы не простили.

Сегодня у нее собиралась довольно интересная компания, правда, несколько разношерстная. Должны были прийти коллеги-журналисты, киношники, актрисы, представители дворянского собрания, один ловкач с интересной идеей лотереи, кое-кто из чиновников и депутатов, мечтающих попасть в эфир, – скоро опять выборы. Подумав о фуршете, она заказала по телефону в близлежащем ресторане суши и бутерброды на дом. «Надо бы вызвать Наталью, пусть поможет накрыть стол для чая и кофе да уберет потом», – решила Лера и, позвонив домработнице, попросила ее прийти.

* * *

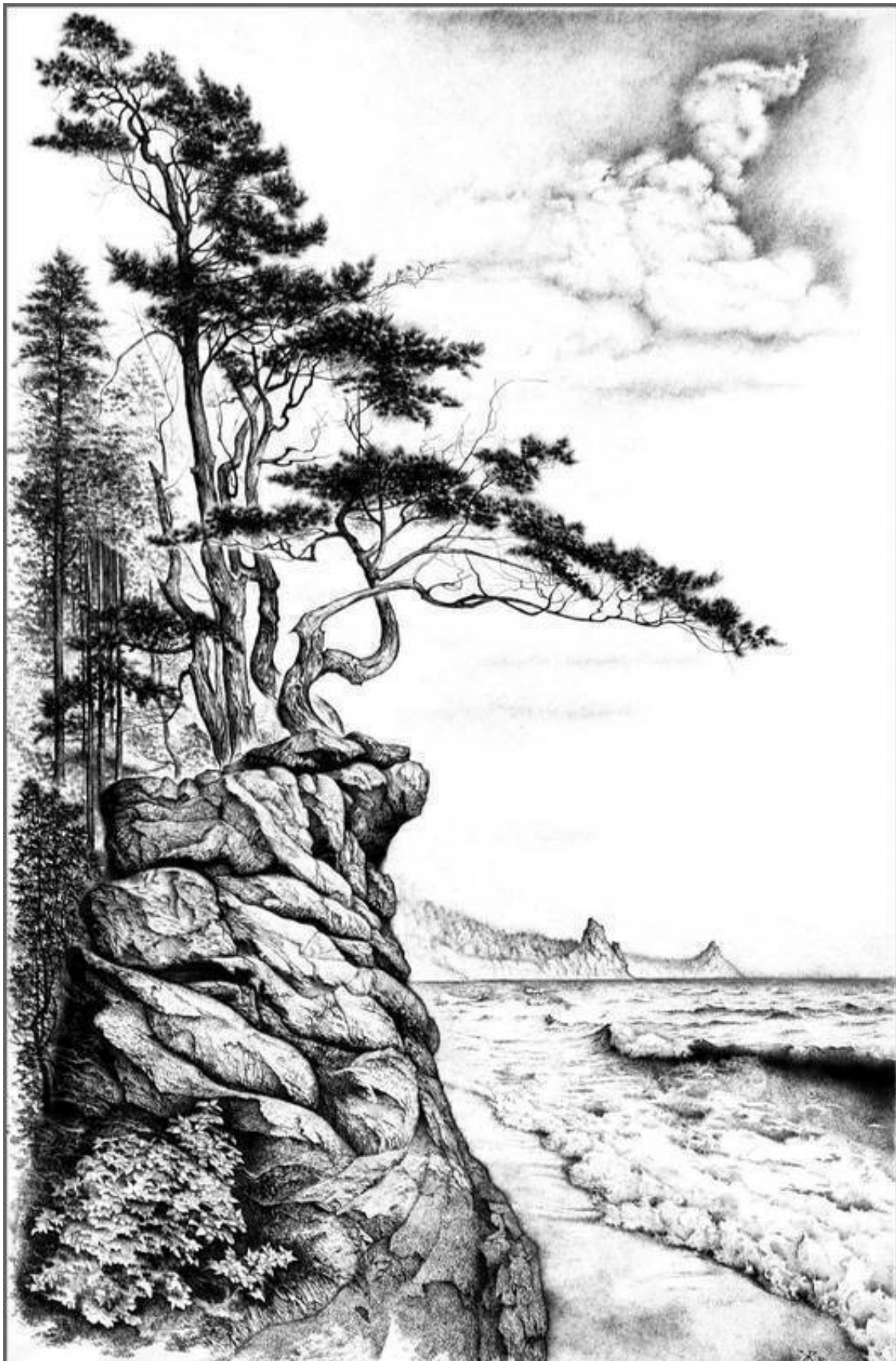
Утром Валерия ездила брать интервью у известного писателя в Переделкино и изрядно устала. Приближалась очередная годовщина рождения Ильича, и каналу требовалось интервью на тему «Не сотвори себе кумира».

Писатель Самохин был уже в возрасте, болел и безвыездно жил на даче. Недавно вышла его книга о Ленине, которая и привлекла журналистку.

Владимира Васильевича они нашли в саду. Высокий худощавый старик сидел у раскидистой сосны, опираясь на трость, и думал о чем-то своем, писательском. И эти глубокие, как показалось Лере, думы было неудобно прерывать. Но, заметив съемочную группу, он встрепенулся, встал и встретил их приветливо, провел в просторную светлую комнату, где стоял большой самовар и был накрыт стол к чаю. Операторы стали настраивать камеру и микрофоны, давая героям сюжета время познакомиться и приглядеться друг к другу.

Высокий худощавый старик сидел у раскидистой сосны и думал о чем-то своем, писательском

Родился он на Байкале, где служил отец

При Советах Самохин, лауреат Государственной премии, считался «певцом деревни», написал немало книг на тему жизни сельчан, но из-под его пера выходили и стихи, в том

числе посвященные Ленину. Новая книга была проникнута полным разочарованием писателя в вожде мирового пролетариата. Накануне интервью Валерия сумела ее просмотреть, и ее поразили доселе неизвестные факты биографии Ленина, о которых писал Самохин. На обложке книги лицо вождя было разделено на две половины: одну белую, другую черную, причем на черной был даже рог. Дескать, черт или ангел?

Стены комнаты, в которой их принимал писатель, были увешаны портретами последнего российского царя и его семьи. Говорили, что Самохин разочаровался уже не только в советской власти, но и в теперешней демократии, поэтому у него сейчас проявились монархические настроения. С этого и начался разговор, как только операторы включили запись.

– Любите царя? – спросила Лера, бросив выразительный взгляд на портрет Николая II.

– Уважаю, – ответил писатель, – потому что он был законный правитель страны, помазанник Божий.

– А остальные, значит, незаконные?

– Еще какие, разбойники с большой дороги!

– Ну вы же сами этому разбойнику, – кивнула она на книгу, – стихи посвящали, еще и какие хорошие, к каждому празднику. Как сейчас помню, в детском саду учили что-то наподобие: «Камень на камень, кирпич на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич», святыня была.

– Была, – согласился Самохин, – каюсь теперь вот на старости лет, пытаюсь разобраться, почему так случилось...

Он задумчиво наклонил высоколобую благородную голову с сединами, снова опершись на посох.

– Да, к счастью, с нашим поколением этого уже не будет, – самоуверенно заметила журналистка, прерывая паузу.

– Вы так думаете? – удивился писатель.

– Конечно, мы теперь никого так огульно не возводим в ранг божества, научены горьким опытом предыдущих поколений.

– Ну не знаю, не знаю, – покачал головой Самохин. – Теперь тоже такого натворили... За несколько лет смели все, что было дорого сердцу. Союз вопреки желанию народов распустили, ведь был же референдум за сохранение страны. И что теперь? Нет у нас больше ни Севастополя с его российской славой, ни границ страны, все нараспашку. А кругом одни враги, что и историю переписать могут, и фашизм возродить. А что такого? Ведь кругом все продается за бесценок с молотка, идет полный грабеж природных ресурсов, к праправнукам в карман залезли. Такого безобразия и коммунисты себе не позволяли. А демократы теперешние так опустили нас на колени перед миром, все позиции страны сдали, парламент под публику расстреливали, а вы им рукоплещете, стыдно.

Я-то думал, – сказал он, немного помолчав, – что с крахом коммунистической идеи мы наконец о духовном задумаемся, о попранной культуре, о восстановлении справедливости, а тут такое воровство началось... Культура не поднялась, а, наоборот, пала, да так низко, что и не подняться теперь. Не могу на все это смотреть, долго не проживу, сердце разорвется, – пожаловался Самохин, держась за грудь. – Плачу я о моей России, – закрыл он лицо руками...

– Владимир Васильевич, давайте-ка чайку. Перерыв, – махнула она оператору.

– Ну разве виноваты мы, что долгое время жили в такой закрытости, что и не знали по большому счету, кому служим: Богу или дьяволу, – наконец собравшись с мыслями, сказал писатель. – Вот только сейчас, ознакомившись с архивами, я могу совершенно точно сказать, что Ульянов-Ленин со своими сообщниками погубили страну, готовую, как молодой тигр, прыгнуть в новую эру своего экономического развития. И как бы мы могли сейчас с вами процветать, не случись этого безобразия в истории, – любая Америка обзавидовалась бы. Вот так, милейшие потомки, обстоит дело с правдой о Ленине, – заключил он.

– Нет, это еще не все об Ильиче, – возразила Лера. – Вы же раскопали столько подробностей его биографии: это и нездоровая генетика семьи, и происхождение, и плохое здоровье, да и действительно его шпионская связь с Германией.

– Все так, но это я оставляю читателям, чтобы они побыли с этими фактами наедине и поразмыслили над сказанным. Как все это могло случиться и почему именно у нас пришел к власти такой человек, устроивший, по сути дела, немыслимый по масштабу геноцид народов? Ведь целенаправленно истреблялось все лучшее из человеческой породы. Человек думающий, со стержнем? Убить. Милая культурная девушка, наверное, дворянка? Убить. Да просто аккуратный, подтянутый человек – тоже не надо такого в живых оставлять. А сколько в Крыму было потоплено белых офицеров, которые не хотели покидать родину и сдали оружие. Царил такой террор, что удивляться сталинским репрессиям и не приходится. Просто достойный преемник.

– Ну и как же это могло случиться в нашей патриархальной, как вы говорите, России? Ведь сын предавал отца, брат брата. И все соглашались с этим. Вспомним Павлика Морозова, пионера-героя.

– Ну, этот вопрос надо задавать не мне, а психологам. О силе влияния средств массовой информации. Представьте, альтернативы никакой, есть только коммунистическая пресса, которая и ведет одностороннюю оголтелую пропаганду и агитацию. Вот так и случилось, кто с этим не согласился, был ошельмован, оболган и предан анафеме. Но самое ужасное, еще раз повторяю, – намеренно уничтожали лучших представителей генофонда нации. Подумать только, травля и расправа над учеными! Но ведь их пока вырастишь, сколько времени пройдет, не одно поколение, пока будет результат. В тюрьму такого гения, как Вавилов! Как можно! Да и вообще разборки с интеллигенцией! Ну не может она себя вести иначе, без совестливых метаний и мучительного поиска истины, потому что интеллигенция. Так зачем же с ней так!..

– А вы человек верующий? – спросила Валерия, заметив Библию, лежащую на тумбочке.

– Помните, у Есенина: «Стыдно мне, что я в Бога не верил. Горько мне, что не верю теперь». Просто изучаю, может, все же приду к Нему всем сердцем и душой, когда пойму, что по-другому жить нельзя. Но атеистам трудно все принять на веру. Мы же не были в Боге рождены и воспитаны.

– Тогда, с вашего позволения, о помазаннике Божьем, о котором вы так скорбите, – сказала журналистка. – Но ведь и Николай II, последний наш царь, эталоном правителя служить не может: долго не замечал крушения империи, занятый собой и своей семьей, потом отрекся, отдал Россию Временному правительству, сомнительному во всех отношениях. Также не идеальная система правления, если слабый монарх.

– Может, он конкретно действительно и не самый лучший из монархов, которого знала наша история, поэтому все так и случилось. Но вот его отец, Александр III, был очень успешным правителем, но его, по всей вероятности, отравили враги России, как было и со всеми нашими лучшими царями. Очень не нравилось им всем там, в Европе, могущество нашего государства. Россия всегда проигрывала Англии, да и Америке в холодной войне, а теперь и в информационной. По сути, и революции-то никакой не было – просто в очередной раз проиграли информационную войну.

– А почему так? – удивилась Валерия такому выводу.

– Да потому, что мы – более духовная нация и представления не имеем о тех подлостях и интригах, на которые способны эти страны. Плохо, конечно, – противника надо знать. Вот на поле сражения они к нам не сунутся – доказано уже историей, здесь нам равных нет, и опять потому же. Высокий дух. Наполеона отогнали, фашизм разбили. Поэтому-то они и ведут сейчас политику духовного разложения, и здесь у них опять, к сожалению, все получается. А еще власть неустойчивая. Мальчишки в коротких штанишках. Поэтому я верю в царя, человека, которого от рождения готовят и учат управлять страной. Он будет нести ответственность за

нее, не то что эти временщики. Если поинтересоваться историей семьи Романовых, которую я сейчас изучаю, то можно понять, как они все были преданы своему Отечеству.

– От ошибок тоже не застрахованы: вон Аляску Америке продали, а там золото нашли, – возразила журналистка.

– Нашли, нашли, но ведь просто ошиблись, не просчитали, а не сдавали позиции страны, как сейчас. Нет, монархия – это хорошо, это традиции, культура, просто в помощь ей должен быть и грамотный парламент, как у Англии, например. Была же у нас Дума раньше, не такая, как теперешняя. Как же вы все не поймете, что нельзя жить так, чтобы все время кому-то нравиться и угождать! Ну вот не правят сейчас у нас коммунисты, другая экономика, другой строй, и никому мы не угрожаем. А что, стали нас любить на Западе? Да боже мой! Превратили такую страну в сырьевой придаток, а попросту в трубу, и радуются: такая, дескать, у вас судьба. И ведь так было всегда – боятся они сильной-то России! Поэтому и революцию на немецкие деньги Ленин у нас устроил в семнадцатом году. А теперь такую же, только на американские доллары, демократы нынешние провернули. А судьба, дескать, у русских – сидеть тихо и сокращать население, умирать то есть, и ни-ни чтобы поднять голову, вот ведь что натворили, мерзавцы. И открыто об этом говорить не стесняются.

– А каковы же все-таки ваши прогнозы относительно будущего России? Ведь как ни грехи, но не удалось предыдущим поколениям вывести страну на тот должный уровень, который она должна иметь, учитывая размах территории и природные богатства. Этого и не может простить молодежь своим предкам, несмотря даже на выигранную войну.

– Ну что же вам сказать, мы действительно по-прежнему живем в большой еще стране, с богатой историей, которую, сколько ни старайся, не перекроишь. Богата страна природными и людскими ресурсами, наша нация по-прежнему объединяет много народов и народностей, которые всегда должны быть равноправны. У нас есть и всегда была умная и очень совестливая интеллигенция. И мы вполне бы могли быть самодостаточными, но вот беда – нами постоянно не так руководят. Коммунисты ставили свой преступный эксперимент над Россией, думая обо всем человечестве. А теперешние заботятся только о себе: как бы подольше продержаться у власти, как побольше урвать да спрятать в зарубежных банках. Поэтому и все средства из страны выведены. Дескать, пусть там работают. Это вместо того, чтобы свою инфраструктуру развивать. А если там кризис разразится и банки лопнут? Об этом хоть кто-то думает, что с российскими деньгами будет? Или что, у них не случается такого? Гарантированно, что ли? Враки все это про их чудеса. Бывал я там, за океаном. Деньгами берут, их власть чувствуется во всем, только безнравственно это, я вам скажу. Все ведь купленное. И руководит всем капитал, только в тени. Свобода слова выражается в перемывании грязного белья. Да, тут и президента могут потрясти, а вот если где серьезно, если ты не согласен с властью, там ты сразу в диссиденты угодишь, а дальше как у нас при коммунистах – изгой общества, причем на их экономический манер. У них ведь вся жизнь в кредит. Выгонят с работы – и ты кругом должник. А это действительно страшно.

Самохин ненадолго замолчал, видимо переживая сказанное, но потом, словно очнувшись, добавил:

– Но без надежды и веры жить, конечно, нельзя. Может, еще что-нибудь изменится, а вдруг да появятся какой-нибудь Илья Муромец да Добрыня Никитич. У нас на Руси чудеса случаются. И совсем не обязательно, чтобы нас везде любили, но вот чтобы уважали за силу и мощь – это необходимо. И, конечно же, жизнь народу необходимо обеспечить достойную. И работу, и зарплату, и жилье. Он это, я думаю, заслужил. Такая должна быть судьба у России, и не иначе.

– Ну а что вы скажете насчет нашей национальной идеи? Ее с перестройкой потеряли и сейчас вновь упорно ищут, – спросила Валерия.

– А чего ж тут искать – она на поверхности, нигде не зарыта. Да, вы правы, страна не выведена на уровень развития, который должна иметь, обладая такой территорией, природными и людскими богатствами. Войну мы выиграли, и тогда с духовностью и патриотизмом все было в порядке. Огромный рывок восстановления после разрухи оказался возможен именно благодаря этому. Сейчас такая же разруха. И национальная идея состоит в сохранении нашей истории и культуры и, конечно же, самого народа. Мы все должны поднимать свою страну. А не бежать туда, где получше, тем более что никому и нигде не нужны. Вот такой мой сказ вам, дорогие зрители и потомки, – закончил он уже в камеру.

Усевшись пить чай, операторы дали Самохину прослушать запись. Сделав несколько замечаний, он остался доволен. И только спросил:

– А пропустят, не вырежут ли сказанное?

– Да нет, – успокоила его Валерия. – У нас ведь демократия, и теперешнее руководство старается не замечать, что про него в СМИ несут.

– А цензура? – удивился Самохин.

– А цензуры, как раньше, когда над каждым моим словом стояли пять ответственных выпускающих, практически нет, – отмахнулась Валерия. И, уже прощаясь, пообещала сообщить, когда передача выйдет в эфир. – Время, скорее всего, дадут позднее, даже, может, ночное. Тема пока что болезненная, многие не согласны с такими оценками личности вождя. И книга ваша сейчас не только смелая, но и, надо сказать, прямо-таки дерзкая.

– Да незачем сообщать, если поздно, уже спать буду, я ведь послушал, и достаточно, – решил писатель. Подумав, однако, о чем-то своем, все-таки попросил: – А нет, сообщите, пожалуйста, если можно, я телефон выключу. А то будут звонить коллеги, гадости говорить. Я их никогда не слушаю и рецензии не читаю. И вам, как творческому человеку, не советую. Поет душа – надо творить, а читатель – он у нас умный, сам разберется, кто ему нужен, а кто нет. Последнее дело – под критиков подстраиваться, совсем себя потеряешь, – махнул он рукой. Глаза его как-то молодо заблестели, а густые, хотя и совсем белые усы и брови задорно поднялись.

Ишь вояка, заулыбалась Лера. Старая гвардия, с такими не пропадешь! Вот поколение было! Жаль, что мало уже их осталось...

Дальше съемочная группа поехала в Музей Ленина на Красную площадь.

Здесь перед входом толпились люди с красными знаменами и плакатами в руках, на которых было написано: «Руки прочь от нашего Ильича!»

Музей должны были скоро закрыть, и директор его, доктор наук, моложавый энергичный мужчина с рыжеватыми волосами и ясными голубыми глазами, отчаянно боровшийся за его сохранение, был рад любому слову в эфире. Он принял телевизионщиков в своем огромном, на пол-этажа, роскошном кабинете, заставленном полками с книгами в золотых переплетах с марксистско-ленинскими сочинениями.

Надо сказать, Лера была в этом помпезном здании второй раз в жизни. Впервые – первоклашкой, с дедушкой за ручку. Но это было давно, и детские впечатления уже стерлись. А сейчас здание поразило ее своей презентабельностью и простором. Зал, в котором лежала гуттаперчевая копия мумии вождя на смертном одре, занимал целый этаж, и там кроме нее находились только знамена. Вообще музею явно не хватало экспонатов, был он какой-то полупустой, в отличие от перегруженного Исторического, расположенного в соседнем здании, где часть экспонатов вечно хранилась в запасниках, так как не хватало места. Или, может, сейчас ее раскрепощенному сознанию так казалось, подумай-ка она так прежде. Свои впечатления Валерия и высказала директору, начав с этого интервью.

– Пусть так, – неожиданно согласился он. – Может, и не нужно такого вот большого и помпезного здания, но хоть маленький, совсем скромный домик у Ильича должен быть свой. Ведь растащат все экспонаты, не будет цельной экспозиции, когда передадут в Исторический

музей. Это же наша история, и столько людей живут по-прежнему с этим именем в сердце! Дайте им спокойно умереть, не кощунствуйте над их святынями, – умоляющим голосом произнес он наконец. – Ведь и до того дойдет, что и из Мавзолея вынесут! – бросил он взгляд на окно, выходящее на Красную площадь.

– Да, в конце концов, Ленин сам не просил создавать ему такой музей и хоронить в Мавзолею, – заметила журналистка.

– Совсем не просил, – согласился директор, – он с мамой рядом завещал себя похоронить.

Вот так и получается, когда люди создают себе кумиров, а потом разочаровываются. И как некрасиво и неудобно решать сейчас этот вопрос – закрывать музей, насмерть обижая кого-то, переносить мумию из Мавзолея, а что до этого дойдет, Лера не сомневалась. Почитаешь Самохина, так еще как за это проголосуешь.

– А какая все же сволочь этот Самохин, – словно прочитав ее мысли, сказал директор. – Вот полюбуйтесь, – достал он уже знакомую ей книжку из своего стола. – И ведь напечатали! Какое творится сейчас безобразия! Никак не дозвонюсь ему, чтобы сказать об этом, ведь стихи хорошие Ленину посвящал. Выгодно было, а теперь его грязью мажет!

– Ну а что, разве он факты искажил? – спросила журналистка.

– Да не то чтобы искажил, но как преподнес-то – жуть! И зачем об этом вообще писать? – возмутился директор. – Интимные ведь вещи, да что там, мерзавец, да и только! А если все назад вернется, он об этом подумал?

– Вы имеете в виду – опять к власти коммунисты придут?

– Да нет, просто время все правильно по местам расставит, такое ведь тоже в истории случается, – заметил директор.

– Ну, каждый вправе и тогда иметь свое мнение, – сказала журналистка, – тем более он за свои слова отвечает.

– А когда будет ваша передача?

– Еще не знаю, я вам позвоню, но должна быть в субботу вечером, – сказала Лера.

И пока операторы вытаскивали технику, она успела заглянуть на цокольный этаж, где в уютном зале был установлен телевизор, по которому на видео крутили хронику того времени. Небольшого роста человек в кепке что-то говорил перед собравшейся толпой. Несколько пожилых женщин, наверное старых коммунисток, благоговейно слушали, расположившись в удобных креслах, некоторые из них дремали.

«Святынище, где сон и фимиам», – вспомнила Лера и, не решившись нарушать эту идиллию своими вопросами, направилась к выходу, где и заметила девочку лет пяти с пожилым мужчиной за ручку.

– Тебе здесь понравилось? – спросила она ее.

– Да, красиво очень, – призналась та, – и страшно.

– Вот как? – удивилась журналистка. – Это почему же?

– Не знаю, – смутилась девочка.

– Ну, просто очень уж пышно все обставлено, – пояснил пожилой мужчина, – вот внучка и растерялась.

– Да, мраморные вестибюли и лестницы, красные ковры и знамена, огромные хрустальные люстры, высоченные потолки, небывалый простор впечатляют, не всегда выходит положительно.

– Да нет, дедушка Ленин – он же мертвый лежит, вот и страшно как-то, – пояснила девочка. – Он же на небе должен быть, а он здесь.

– Да нет, внученька, на небе Бог, ты что-то перепутала, – поправил девочку дед.

– Вот так с этими небожителями, сотворенными людьми, действительно запутаешься, кто и где должен быть, – подытожила интервью Валерия, направляясь к своей передвижке.

Люди со знаменами в руках угрожающе зашумели: попробуйте что-либо плохое про нашего Ильича сказать, журналиги продажные.

– Давай рви когти, а то сейчас по башке схлопочем, – скомандовал оператор шоферу.

Но люди уже обступили фургончик с надписью «Телевидение России» и требовали, чтобы их мнение о закрытии Музея Ленина тоже записали. По-видимому, директор дал команду. Один пожилой мужчина встал впереди машины, организуя за собой людей.

– Давай, Лера, выходи, поговори с ними, как хочешь, а то не прорвемся, – сказал шофер. – Не буду же я пожилых людей давить!

Лера взяла микрофон и вышла из машины. Ее сразу окружили плотным кольцом, прижав к борту. Первым захотел высказаться пожилой мужчина, преградивший им выезд.

– Неправильно это – закрывать наш музей, – начал он, – несправедливо. Не время еще историю переделывать, пусть сначала докажут нынешние, на что способны. А то только ломать и могут. Все испохабили, пьяницы проклятые, так хоть нашу святыню не трогайте! А ты пишешь ли? – вдруг спросил он журналистку, подозрительно поглядев на красную лампочку на микрофоне.

– Пишу, пишу, – успокоила она его. – Паша, постучи, – попросила она оператора, чтобы доказать, что запись включена. И только убедившись, что его слова не пропадут, мужчина продолжил свою речь:

– Мы по всей стране митинги устроим! Мало им не покажется! Народ не согласен! Даже если пятьдесят процентов за нас – это большая сила! И вы не можете этого не признать.

– Так ведь ваш музей только объединить хотят с Историческим, там экспонаты в запасниках маются, – робко попыталась она объяснить ситуацию.

– Ничего, обойдутся. А Ленин есть Ленин, заступник народный, и нечего его ни с кем объединять, даже с Иваном Грозным, – заключил выступавший.

С трудом выбравшись из толпы этого несанкционированного митинга, где ей изрядно намаяли бока, Валерия залезла в передвижку.

– Монтировать завтра буду, пленки хорошенько отмойте, – сказала она оператору. – А ты, Лень, забрось меня домой, ноги замерзли – жуть, – попросила она шофера.

– Ладно уж, радуйся, что голова цела, а она про ноги думает, – проворчал шофер.

– Не надо было так близко подъезжать, – заметил оператор.

– Так кто же знал, что здесь бешеные будут – чуть машину не раздолбали, пока вы записывали, – пожаловался шофер.

Дома, пытаясь согреться и успокоиться, Лерахватила немного коньяку.

Вот так, раньше при Советах все передовиков производства снимали, приглашенных да смирных. А теперь олигархам, что страной рулят, не нужно, чтобы грамотный народ показывали, им побомжистее подавай, так что эти озлобленные, пожалуй, попадут в передачу. Противно, конечно, так душой кривить, но хозяева теперь другие. А кто платит, тот, как известно, и заказывает музыку. Хотя, может, кое-что все-таки и удастся протолкнуть за народ – покумекаем завтра с Пашей. Он, как режиссер, часто ставит такое, рискуя головой, конечно, но демократия есть демократия, считает он. Сделав распоряжения относительно предстоящего вечера и проверив еще раз список приглашенных, Валерия отправилась в ванную наводить маршфет.

* * *

– Давай купим цветов, журналистки это любят, – предложил Феликс.

– А покрепче разве не надо? – удивился Димов.

– Можно и покрепче, а то там вечно выпивки не хватает.

И они остановились у Елисейевского магазина.

Это торговое заведение переживало сейчас не лучшие времена. Оставшись без примотра государства, Гастроном номер один – так величали при Советах этот старинный магазин – сильно обветшал. Ассортимент продуктов здесь давно уже был убогим, да и торговый зал явно не один год ждал ремонта.

– Ну почему, скажи, никто не займется реставрацией здания, ведь обвалится скоро все, а ведь такая красотища, – любуясь лепниной потолка, возмущался Феликс. – Вот, наверное, Елисейев сейчас в гробу переворачивается от такой бесхозяйственности.

– Да, говорят, наследники нашлись где-то в Париже и хотят в порядок привести, – заметил Димов. – Так власти не разрешают – видимо, взятку хотят получить. А те не дают. Наше, мол. Слышал? Кавказцам отдадут.

– Вот это демократия! – рассмеялся Феликс. – А почему ж нельзя наследникам права предъявить через суд на собственность?

– Тогда много чего вернуть придется, а демократы такого закона не придумали, – сказал Димов. – Не любят у нас возврат делать, да и только.

Накупив водки и коньяку и сложив все в машину, приятели пошли к цветочному ларьку.

– Давай розы купим, – предложил Феликс.

– Покупай, – согласился Димов. – Только не красные, а вон те, персиковые, что поскромней.

– А что так – не красные? Они самые что ни на есть свежайшие. Или новой любви боитесь? – улыбнулась пожилая продавщица.

– А что, Димов, действительно, может, влюбимся? Ведь весна! И для творчества хорошо – занудствовать перестанешь и сценарий в покое оставишь, – пошутил Феликс.

– Давайте свои красные, – улыбнулся тот продавщице.

– На, сам Лерке и вручишь, она девушка красивая, яркая, да и свободная, так что дерзай, дружище, – подавая Димову большой букет вызывающе красных роз, сказал его верный второй.

– Сам вручай, я однолюб, – огрызнулся Димов, укладывая цветы на заднее сиденье машины.

– Да уж знаем, – засмеялся Феликс. – Но как же, однако, без музыки-то?

* * *

Димов действительно был однолюбом и имел одну, но пламенную страсть. С самого детства он любил кинематограф. Родился он на Байкале, где служил отец. И в том далеком Забайкальском военном округе, когда наступал Новый год и родители уходили в Дом офицеров на праздничный вечер, он оставался наедине с радиоприемником. За окном завывала пурга, но где-то далеко-далеко торжественно били куранты, звучала красивая музыка, и Москва транслировала хороший спектакль. Ему было восемь лет, но он его запомнил почти наизусть. А потом этот спектакль он увидел на экране, когда отец взял его в Дом офицеров в кино. С тех пор кинематограф был для него праздником в жизни, а фильм «Дети капитана Гранта» с Паганелем в исполнении Черкасова так и остался любимым на всю жизнь. Потом отца направили в академию в Москву, и школу Димов оканчивал уже в столице. Кино стало его серьезным увлечением. Он читал все журналы о нем, знал всех известных режиссеров и актеров. Читал сценарии в специализированном журнале. И ни о чем другом даже не мечтал. И конечно, пошел во ВГИК на режиссерское отделение. Однако не прошел по конкурсу. Но унывать не стал – устроился на «Мосфильм» кладовщиком, где много общался с киношным миром, еще больше в него влюбляясь. Потом его забрали в армию. И, отслужив, он все же на свой режиссерский попал, даже в класс известного мастера. Так что мечта сбылась. И он уж профессию свою никогда не предавал и ни на что не менял. Учился хорошо, увлеченно, отдавая всего себя освоению любимого дела. И это, пожалуй, стало единственным, чем он мог тогда всерьез увлекаться.

Девушки его примечали. Внешность у него была видная. Копна густых русых волос, откинутых назад с высокого лба, мягкие карие очень выразительные глаза, прямой нос и мужественный подбородок, хорошо сложенная мускулистая фигура – в армии времени не терял и любил качаться. Воздыхательниц было немало. Но он только позволял себя любить, никого особо в душу не пуская. И когда на третьем курсе сероглазая шатенка со сценарного отделения Христина все-таки утащила его в ЗАГС, потому что была беременна, Димов принял это как должное – ну надо же когда-нибудь и жениться, в конце концов. Правда, сама потом и ушла от него, когда поняла, что он однолюб. Вот ведь женское чутье – все терпела, а этой страсти простить не смогла.

Начав работать, Димов настолько уходил в творчество, что мог неделями никого и ничего не замечать вокруг. Порой такая одержимость приводила не только к комическим, но и к печальным ситуациям. Жили тогда на съемной квартире, и маленькому Матвейке, их сынишке, было годика три. Димов работал дома над сценарием фильма, делая его режиссерскую версию. Христина уехала на несколько дней в командировку в Новгород, оставив с ним сына. Малыш предстал перед вернувшейся матерью в совершенно запущенном виде, признавшись ей, что совсем оголодал.

– Мы тебе и не нужны вовсе, – только и сказала тогда Христина и, забрав Матвейку, ушла жить к родителям.

С тех пор каких только приключений не было в его личной жизни, сколько юных актерок, да и уже знаменитых звезд не пытались его заарканить... Ведь хороший режиссер. Но душа его по-прежнему никому и ничему, кроме кино, не принадлежала. Христина тоже была одна. А Матвей, всю жизнь деливший свои будни между отцом и матерью, превратился в интересного, стильного парня, стал хорошим художником, часто помогавшим отцу в работе по картине. На все шуточки Феликса о его личной жизни Димов не реагировал, и вообще тема эта была для него закрыта.

Да, вот такой он, убогий, что поделаешь, ну не дано ему этого счастья, считал он про себя. Нет у него музыки – и не надо. И всю свою пламенную душу по-прежнему отдавал любимому делу.

* * *

У подъезда друзья заметили мужчину средних лет с красивым породистым лицом, подчеркнуто элегантно одетого.

– Здорово, князь, – протянул ему руку Феликс.

– А, здравствуй, здравствуй, дорогой, давно тебя не видел, совсем перестал тусоваться, что ли?

– Да нет, работы много, командировки, – ответил Феликс. – Вот познакомься, мой главный, Дмитрий Дмитриевич Димов.

– А, слышан, слышан, – сказал мужчина, протягивая руку Димову. – Игорь Павлович Тверской, – представился он. – О Нострадамусе снимаете?

– Пытаемся, – скромно ответил Димов.

– Ну-ну, не скромничайте, у вас плохих картин не бывает – я за вашим творчеством слежу.

– Благодарю, – улыбнулся режиссер.

И они втроем, с трудом поместившись в небольшой лифт, поднялись наверх.

Дверь принимающей квартиры уже была нараспашку, и на просторной лестничной площадке с красивыми перилами всюду курили и общались гости. Раздевшись, трое новых прошли в гостиную.

– О, князь, – подошла к ним Лера, – рада вас видеть. А ты, Феликс, наконец привел своего затворника? Давно прошу его с вами познакомиться, – обратилась она уже к Димову.

– Ну так в чем же дело? – И Димов представился: – Режиссер.

– Вот тебе от нашей съемочной группы, – вручил ей Феликс цветы.

– Как мило, красные. Спасибо, чудо какие свежие, и пахнут. Поставь вон в ту красивую вазу, – распорядилась она. – Вы знаете, я бы хотела с вами договориться об интервью, – обратилась она к Димову. – Хотя что я с порога прямо, пойдете к столу.

И она потащила друзей к столику с напитками.

– А мы со своим, – достал бутылки Феликс.

– Ну ты ж у меня парень догадливый, – засмеялась Валерия.

– А то! – гордо ответил второй.

– А что это за князь? – спросил потихоньку Димов у Феликса, пока Лера пристраивала принесенные бутылки. – Настоящий или так, бутафория?

– Настоящий, да такой, что регентом себя объявил, – пояснил Феликс.

– Вот так, и не меньше? – удивился Димов. – А что, похож, типаж, что называется. Да только откуда он, как уцелел-то?

– Ну, он теперь предводитель российского дворянского собрания. И сам действительно из тверских. В той губернии его отца предки и спрятали, отдав в крестьянскую семью, когда бежать не смогли. Их всех «ликвидировали», как говорили чекисты, а он выжил. И даже потомка оставил. Теперь ведь модно доставать все причиндалы о происхождении, что раньше тщательно скрывали. Вот он свои и откопал. И заграница его признала. А теперь он сам отправляет документы на экспертизу, прежде чем принять кого-либо в члены своей организации, ну, тоже из благородных. А вообще он дядька занятный, рекомендую.

– А ты его откуда знаешь-то? – удивился Димов.

– Да так, пересекались, потом расскажу.

– Слушай, а интересно, действительно, какой типаж! – не переставал поражаться Димов. – И даже умен.

– А то! Породу не закопаешь, – заметил Феликс. – Грамоты теперь раздает.

Подошла Валерия и потащила друзей к столу.

– Я все хочу об интервью договориться, – сказала она. – Меня очень интересует тема предсказаний Нострадамуса. Вы ведь, говорят, уже что-то отсняли, – обратилась она к Димову. – Сейчас это так в тему со временем. Кто он все-таки – гадатель-предсказатель или ученый?

– Ну, фигура он всегда был странная, может, и сомнительная, потому притягательная, и об истине мы можем только догадываться, – сказал Димов. – Но, с другой стороны, почти пять веков приковывает к себе внимание. Прежде всего потому, что Нострадамус – гениальный астролог, но свои предсказания облек в туманные, загадочные стихи – катрены.

– Да, это всегда привлекало внимание во времена больших перемен, как сейчас, – согласилась журналистка. – Но зачем же загадочные?

– Ну как же, боялся церкви, да и гнева сильных мира сего, вдруг не понравится предсказание. Но это даже и интересно. Где есть туманная недосказанность, намек, что ли, людям предоставляется возможность самим додумать событие, особенно нам в творчестве. К примеру, есть и такая версия, что Нострадамус состоял в ложе масонов, которая формировала тайное правительство мира. И может, ему было поручено создавать в космосе матрицу нужных событий, коли уж он обладал таким даром. Вот я и хочу ввести в фильм такую сцену с масонами. Так что работаем помаленьку, но пока ничего особенного, – сказал режиссер.

– Не слушай его, Лера, – вмешался Феликс. – Димыч у нас человек скромный, приходи лучше завтра на студию, сама посмотришь. Ей-богу, есть о чем поговорить. Мне нравится все, что уже отсняли, и актерский ансамбль замечательный.

– Машины марки «Форд» в рекламе не нуждаются, – заметил Димов. – Хотя приходите. Там и поговорим, в особенности про деньги, которых на фильм нет. Финансирование культурных программ ведь совсем закрыли. Я имею в виду бюджетное. А как сами крутимся, только богу известно. По-моему, это как раз должно прессу в первую очередь интересовать.

– Ну, если есть интересный повод, тогда можно и об этом поговорить, – согласилась Валерия.

– Есть, есть, приезжайте, – не унимался Феликс. – Мишель у нас чудесный и пока что нерекламируемый.

– Ну ладно, пиарщик ты мой, выпьем, что ли, – предложил Димов, когда Лера отошла.

– Ты тоже со своей скромностью! Ведь деньги на исходе, а так, может, какой спонсор найдется. Все в облаках витаешь.

– Почему же, дамочка ничего себе, – пробурчал Димов, закусывая водку оливкой.

– А я говорил – муза! – оживился Феликс. – А посмотри, какой портрет! Ее муж нарисовал.

– А что, есть и муж? Это уже значительно хуже, чем я предполагал, – заметил режиссер.

– Да нет мужа, давно пропал куда-то, может, за границу сбежал, еще тогда, – махнул рукой Феликс, нанизывая на вилку селедку.

– Ну тогда выпьем, – предложил Димов, – вечер, что называется, удался.

– Что, зацепила? Я знал, Лерка – девка искрометная.

– А что же сам? – удивился Димов.

– Я не потяну, фактуры нет, так что и не пытаюсь, – признался второй, поглаживая лысину. – Она все шкафчики вроде тебя примечает.

Снова подошла раздумывавшаяся Лера, была она в длинном платье темно-изумрудного цвета, что очень шло к ее зеленым глазам, а узкий глубокий вырез красиво оттенял длинную белую шею.

– Много новых гостей, – извинилась она. – Но я вижу, вы не скучаете.

– А кто же вас так прикольно изобразил? – спросил Димов, показывая на портрет. – Похожа.

– Ну, это история давняя, – засмушалась Валерия, – и грустная.

– Ну а можно я вас буду рыжей звать? – спросил Димов. – Это в тему. Рыжая кошка, красавица.

– Зовите, – засмеялась Лера. – А вы простой.

– Даже простенький, чего уж там, когда выпью, – вдруг повеселел Димов. – Но только не на площадке, – погладил себя по груди режиссер, – там я орел.

– Не сомневаюсь, – согласилась Лера и отошла к вновь прибывшей компании.

– Ты чего, Димыч? Таким я тебя еще не видел, – удивился Феликс. – Что-то тебя понесло. Такой ты ей не понравишься.

– Ну это мы еще посмотрим, – засмеялся Димов. – Однако гусары на дам не спорят. Давай еще по маленькой.

– А, вот вы где, – подошел князь, – а меня тут претенденты терзают. Все хотят теперь благородными быть. Теперь не страшно, за это не убьют. Грамоты на дворянство им подавай. Особенно чиновники это любят.

– Да ладно вам, ну какое теперь дворянство, по каким признакам отбираете? – спросил Димов. – По ДНК, что ли?

– По заслугам перед Отечеством, – серьезно сказал князь. – Так и Петр I делал. Ну вот, к примеру, вам за ваши фильмы я с удовольствием грамоту выдам, хотя вы ее и не просите.

– А что ж, тогда и все брадобреи опять в благородных будут? Ведь Петр и за такие заслуги это звание даровал.

– Ну об этом мы еще подумаем, а теперь выпьем, друзья, – серьезно сказал князь. – За Отечество! За возрождение традиций!

Друзья дружно чокнулись.

– Вы понимаете, сейчас такое время, рождается новая страна, – продолжал князь. – И получается, что она становится наследницей только Советского Союза, но это лишь семьдесят лет от ее истории. А ведь у России тысячелетие за плечами. Вот и хотелось бы, конечно, чтобы она стала преемницей старой России, дореволюционной, с ее историей, традициями, культурой и социальными сословиями тоже. Почему нет? Ведь остались же потомки дворян, кое-кто уцелел. Их много среди русской эмиграции за границей, и надо всех пригласить домой, на родину. Немного выжило и здесь. Тем, кому удалось смешаться с народом и продолжить род.

– Как вам, например? – уточнил Феликс.

– Да, как и мне, – согласился князь. – Вот для этого и создаю дворянский клуб, возрождаю старую Россию. Хотя, конечно, никакого равенства нет и не может быть ни в чем, – сказал князь.

– Что вы имеете в виду? – удивился Димов.

– Ну вот большевики пытались уравнять всех и лозунги такие писали – там равенство, братство. А по сути, только вводили людей в заблуждение. Потому что с рождения уже нет равных. Один родился гениальным, другой средним, а третий вообще больным. И жизнь каждому диктует свои условия, – стал рассуждать князь. – Это еще не говоря о происхождении.

– Да, ну а как быть, если гениальный, к примеру, свои способности пропьет, а середняк благодаря своему упорству в люди выйдет? Не говоря уж о больном, который тоже может воспротивиться природе и выздороветь, – возразил Димов. – Так что же, заранее всем свой путь указывать? Может, все-таки дать равный старт?

– Это все демагогия, в порядке исключения может быть, но равенства все равно быть не может, – продолжал князь. – Я имею в виду равенство между людьми думающими, работающими над собой для самосовершенствования и людьми простыми, живущими по потребностям тела. Как правило, дух различен именно здесь. Даже имея равный старт, они придут к разным результатам.

– Ну, здесь играет роль воспитание и среда обитания, – не соглашался Димов. – Конечно, дух, живущий внутри каждого, у всех разный. Меня как раз это сейчас и волнует в связи с Нострадамусом. Природой закладываются разные гены, но ведь, согласно Библии, Бог нас всех любит одинаково и всем что-то дает от природы, надо только понять что и суметь взять. То есть развить данное Богом. Помните притчу о том, как Христос раздавал таланты? Поэтому шансы есть у всех, хотя, может, не совсем одинаковые.

– Вот это я и имею в виду, – сказал князь, – не равный уже от природы. Да, это, может быть, не очень приятно сознавать, но и иллюзии строить незачем.

– Ну и что ж вы хотите теперь в связи с этим – новой эволюции развития человечества? – удивился Феликс. – Или просто каждому указать свой шесток, чтобы не лез дальше?

– Ну вот Феликс, к примеру, не решается ухаживать за яркой женщиной, считая, что у него нет фактуры, уже изначально не равняя себя с более эффектным мужчиной, – пошутил Димов. – В этом смысл вашего понятия о неравенстве?

– А что, может быть, может быть, – задумчиво сказал князь. – Хотя он не учел главного – что женщины любят ушами, может, у него здесь больше шансов? Да и каков его интеллект в сравнении с соперником? Ведь духовное всегда на первом месте.

– Ну вот видите! А если взять какого-нибудь придворного поэта с нежнейшей душой и его господина – варвара и тирана? Как здесь разобраться с равенством? – спросил Димов.

– И все-таки вы меня не поняли, любезнейший маэстро, – возразил князь. – Люди не равны изначально, от рождения, потом от родословной, ну и самое главное – по тому, что из них вышло. Безусловно, что безродный Ломоносов значительно выше в этом ранге, чем какой-

нибудь рядовой князек, или же тщедушный от рождения Суворов – совсем не ровня здоровенному цирковому силачу, поднимающему штангу. Просто я как раз и хочу давать грамоты новым дворянам по их состоявшимся достижениям, незаурядным заслугам, если хотите. И тем самым подчеркивать их исключительность и неравенство с остальными. По родословной ведь у нас осталось дворян немного. А многие и не знают своих родословных, так как все уничтожалось. Но традиции следует соблюдать, однако в возрождении их должно быть и пополнение из лучших новых слоев. Ведь и предки дворян получали изначально свои грамоты за какие-то достижения, чем отличались от остальных.

– Значит, вы разделяете людей по их достижениям в жизни. Ну, выдающийся ученый, писатель, художник, артист. И сюда же выдающийся повар, каменщик, маляр, столяр? Все дворяне. Так получается?

– Ну, вы утрируете. Конечно, маляра сюда не надо, – возразил князь.

– Это почему же? Чем плохая профессия? – удивился Димов. – К примеру, Бог дал ему такой талант – гениально красить потолок и стены.

– Ну, здесь уж такого творчества не нужно, просто владеть профессией, – не согласился князь. – А нам нужны творческие умы, влияющие на окружающих людей. Вот ваши фильмы всегда волнуют поиском сокровенных истин, смысла жизни и своего пути каждого на земле. И вы своим творчеством возвышаетесь над людьми. Чего ж вас приравнять к маляру, который тоже служит людям, но менее значимо? И он не может быть равен вам в сфере влияния своей работой на общество.

– А по мне, зависит от того, как звучать, – продолжал спорить Димов, – на каких частотах. Вот, к примеру, поэзия. Денис Давыдов – поэт маленький, но с парусом, поэтому звучание высокое, а его современник Баратынский – глыбище, но низкочастотный, не знает сам, что ему нужно и куда идет. А если честно, так я иногда завидую маляру – он свое сделал за смену и ушел домой, к семье и телевизору. Я же как проклятый, все время в теме. И нет мне покоя ни днем ни ночью. И ничего другого не хочу и не умею делать. Да и нет ничего у меня в жизни, кроме работы. Уж и не знаю, благодарить ли мне Бога за это или нет, – разоткровенничался Димов. – Хотя не буду богохульствовать. Это все-таки моя реализовавшаяся мечта. Так что, конечно же, благодарю.

– Вот видите, а вы – равнять маляра и художника. Да, талант – тяжелое бремя, – согласился князь. – Но настоящий – он всегда пробьется, не позволит себя закопать и действительно мучает человека, не дает спокойно жить, да и часто жизнь его сжигает, укорачивает. Но вот за это, за такой длительный путь к духовному совершенству ему почет и слава в первую очередь, и мы даем грамоты на дворянство.

– Ну, по мне, так хватит и «народного», – сказал Димов, наливая себе коньяк. – Если дадут, не откажусь.

– И не отказывайтесь, конечно, – согласился князь. – Но и наша грамота – это признание вашего таланта и заслуг перед Отечеством. К вам, творческим людям, всегда особое внимание, потому что вы создаете образы, на которых учатся, которым подражают. Но вот сейчас, если честно, все так мелко стало. Телевидение разнузданно до крайности, фильмы в основном подражают голливудским. И это, конечно, понятно: выпустили джинна из бутылки... Столько лет запрета не могли не сказаться. А жаль, ведь именно сейчас людям нужно знать больше свое культурное наследие от России-матушки. Ее героев, писателей, философов, весь тот громадный культурный слой, что был заложен в дореволюционной России. Сейчас создается новая страна, и, повторяю, нельзя, чтобы она наследовала только советское время. Так много долдонят о сталинизме, о ГУЛАГе, различных перегибах. К чему это? Ведь все уже было сказано. Все равно основную оценку даст время, а оно еще не пришло. Поэтому надо возвращаться к положительному в истории, к своим корням, истокам. Огромный вред, конечно, принесло искажение истории России. Ведь у нее более древние корни, не укладывающиеся в два тысяче-

летия. На ее территории был ледник, который снес несомненно бывшую до него цивилизацию. Так вот, что до него? Почему-то об этом молчат.

Много говорится сейчас о победе над фашизмом. Но ведь такая победа у России почти в каждом веке была. Чингисхана отбросили, Наполеона разбили. История у нас большая, есть чем гордиться, откуда брать образы. Ведь, если объективно, эти семьдесят лет не дали столь великих деятелей, как в прошлые столетия. Достоевский, Толстой, Чайковский, Мусоргский принадлежат уже всему человечеству. Кого вы из наших современников поставите рядом? Хотя наука и шагнула далеко вперед, но это общий прогресс человечества. Необходимо, чтобы новая страна была все-таки в первую очередь преемницей России, а не Советского Союза, хотя, конечно, из истории ничего выкинуть нельзя. Учтите, пожалуйста, мое пожелание, – снова обратился князь к Димову. – Может, вы отразите эти мои мысли в своем творчестве? И вот моя визитка, приходите, будем вручать грамоты, и вам тоже.

– Спасибо, – поблагодарил Димов. – Но я, знаете, очень горжусь, что я современник Гагарина и Королева.

– И правильно делаете, конечно, есть здесь чем гордиться. Но к этому мы шли долгую тысячу лет, – пожал руку князь. – Приходите обязательно.

– А что, сходим, – сказал Феликс, когда князь отошел с Лерой к каким-то чиновникам. – Не помешает, да и общество посмотрим. Лучше бы, конечно, деньгами, кой-какие дыры надо заткнуть, да ладно, может, еще здесь что нароем. Ишь ты где расположились! – рассматривал он визитку. – Во Дворце культуры на Лубянке, с гэбэшниками, значит. Я туда Катьку год назад на елку водил. И они, значит, там арендуют. Замечательно! Теперь никто никого не боится. Хотя ну их к черту, этих опереточных дворян. Кому они сейчас нужны-то, типичный атавизм. Выпьем-ка лучше, Димыч, за свободу!

– Это всегда пожалуйста, – согласился режиссер. – Лучше нее ничего не бывает, хотя князь все-таки умный, чертяка, и вещи интересные говорит. Надо будет обдумать его слова про наследие. Хорошо сказал. Выпьем за это, пожалуйста. За наследие России!

– Ну, кто здесь жаловался, что денег на кино не хватает? – снова подошла к друзьям Лера. – Тут интересная идея об их умножении, пойдемте послушаем, – потащила она друзей к большому белому дивану.

Ночами ей снилось, что она летает с чудесной птицей...

Ведь кругом столько соблазнов и тлетворный дух парит в воздухе... / аннотация /

Там уже расположились гости, перед которыми стоял средних лет светловолосый мужчина, развешивающий на стене какие-то схемы и плакаты. Заинтересованных становилось все больше, и они уже плотным кольцом стояли вокруг большого углового дивана и придвинутых к нему стульев.

– Александр Александрович Миловидов, академик элотаологии, – представила докладчика публике хозяйка. – Интересная идея: как быстро стать богатым.

– Да уж, расскажите, пожалуйста, возможно ли такое, – попросил один из гостей, похожий на чиновника.

– Господа, – начал Миловидов, – накопленный за историю человечества опыт общественных отношений требует в настоящее время создания системы, позволяющей наиболее полно использовать биоинформацию, продуцированную человеческой мыслью, и сформировать общество, способное выдерживать нагрузки ускорения научно-технического прогресса, мобильно реагировать на новейшие достижения науки и техники, культуры, искусства, спорта и прочее, способное сформировать социальные отношения, в основе которых лежат процессы планомерного и всестороннего совершенствования и гуманизации существующих общественных отношений, дальнейшего продвижения общества к гармонии и высокому благосостоянию при сохранении биосферы на основе системного анализа социобиокибернетических процессов.

– Во заворачивает! – изумился Феликс.

Миловидов действительно свободно произносил громоздкие, перегруженные заумными терминами фразы, чем постоянно сбивал с толку слушателей, которые никак не могли ухватить суть того, что он хотел до них донести. Выражение лица при этом у него было совершенно бесстрастное и какое-то отрешенное.

– Моя программа – это программа всестороннего прогресса общества, биосферы и человека на основе новых подходов к теории устройства мира, – продолжал выступающий. – Научное познание – сложный процесс проникновения человеческого разума в сущность вещей, в их закономерные связи и отношения. В процессе познания взаимодействуют субъект познания и объективный мир – объект познания. Для того чтобы понять механизмы явлений, происходящих в окружающем нас мире, и с достаточной степенью вероятности описать их, предсказывать то или иное их поведение и управлять им, необходимо определенным образом смоделировать эти явления, при этом чем ближе к истине результаты математических расчетов, тем полезнее данная теория или метод. Материально-техническая база идеального общества предполагает создание таких производительных сил, которые открывают возможность полного удовлетворения потребности общества и личности с сохранением и приумножением биоприродной среды.

– Слушай, Склифосовский, а попроще нельзя выразаться, по-людски, чтоб всем понятно было, а не только этим вашим? – покрутив пальцем у виска, не выдержал кто-то из подвыпивших гостей.

– Ну хорошо. Можно и проще, – нисколько не обидевшись на такой выпад, согласился докладчик и продолжил: – О чем мечтает человек? Если вы мне скажете, что о свободе, то я думаю, что это ни у кого не вызовет возражений. Все хотят быть свободными от материальных трудностей, все хотят иметь больше времени для гармонии, свободы души, тела и духа. Стремление к свободе – это объективная необходимость человечества в целом. Развитие общества и рост степени его свободы – это неразделимые понятия. Но осознанное движение к свободе, к гармонии невозможно без научных знаний, а их основой являются познанные объективные законы, закономерности. На практике познанные законы начинают работать в полную силу только тогда, когда результаты их проявления могут быть количественно измерены с помощью систем единиц. Задумайтесь, какими специальными единицами измерения социально-экономических процессов располагает современная наука?

– А еще проще, Склифосовский? – попросил все тот же подвыпивший. – Поближе к жизни?

– Ну хорошо, – опять согласился докладчик. – Хотите вы или нет, но деньги являются и всегда являлись универсальным эквивалентом успеха. Поэтому идеи быстрого обогащения во все времена волновали человечество, и их в великом множестве распространяют всякие аферисты, строя «пирамиды». Моя идея совсем другая. А именно – своеобразное содружество помощи друг другу. Ведь все мы являемся покупателями. Кто-то покупает только необходимое, а кто-то – предметы роскоши. А почему бы нам не покупать всем вместе? Ну, разумеется, кому что нужно. Покупайте, потом приносите мне чеки, а я буду с ними совершать необходимые действия, чтобы нам всем иметь прибыль.

– Простите, это что же, очередное общество потребителей? – уточнил один из присутствующих.

– Что-то вроде того, но это неважно, как называться, – сказал докладчик. – Важно, что все вместе мы будем считаться оптовыми покупателями, а значит, получать оптовые скидки. А это, друзья, немало. Только не разминивать их по мелочам, а накапливать.

– И где же они будут накапливаться? – опять уточнил сомневающийся.

– У вашего покорного слуги, господина, то есть у меня, – просто ответил выступавший.

– И что же, опять всем поровну? – спросил князь.

– Ну нет, конечно, кто больше внесет, тот больше и получит, – сказал автор идеи быстрого обогащения.

– Так значит, опять и вносить еще что-то надо, – разочарованно заметил мужчина средних лет.

– Да, но совсем немного, изначальный взнос – по двести рублей. А там кто сколько пожелает. Но чем больше ваших денег будет вращаться, тем больше и окажется процент доходов.

– А где все это, простите, будет вращаться, у вас в кармане, что ли? – засомневались присутствующие.

– Да и где гарантии? – послышалось со всех сторон. – Вот вы академик какой-то академии, а где она существует?

– Моя академия элотаологии виртуальная и существует в Интернете. Можете записываться ко мне на прием, там досконально все и обсудим. Там все это и будет вращаться. И потом, в обмен на деньги я вам выдаю мою база-карту, – показал он собравшимся пластиковую карточку, на которой было действительно написано «база-карта» и еще какой-то адрес в Интернете.

– Ну ладно, Склифосовский, записывай меня, – тыча двумя сторублевками, заявил все тот же подвыпивший гость. – Риск небольшой, а вдруг сработает? – пояснил он свое решение окружающим. – Где-то же нужно разместить капиталы, – пошутил он.

Потянулись и другие желающие рискнуть. Димов с Феликсом отошли в сторонку еще выпить.

– Ишь как в сказки верят, – усмехнулся Димов. – Слушай, а ты заметил, у него на лице какая-то выхолощенность? Это, может быть, даже от психического расстройства. Интересный типаж.

– Еще бы, такие теории создавать – ум за разум точно зайдет, – рассмеялся Феликс.

– Ну что, друзья, а вы что же не вступаете в общество потребителей? Или ничего не потребляете? – спросила подошедшая Валерия.

– Потребляем, даже очень, но в наших магазинах чеки не дают, – пошутил Феликс, – мы на разлив берем. Слушай, подружка, а где ты действительно такого Склифосовского выкопала?

– Ну, это отдельная история, – рассмеялась журналистка. – Одно скажу: очень умные люди в эту лотерею играют и на очень даже высоком уровне.

– А мы пока воздержимся, – решил Димов, – посмотрим, что из этого выйдет.

– У нас ведь деньги заняты, проценты идут, поэтому особо рисковать не можем, – пояснил Феликс.

– Ну-ну, дело ваше. Хотя ставки-то небольшие, вон люди в очередь встали, – кивнула она на столпившихся вокруг Миловидова желающих поучаствовать. – И в этом деле хорошо успеть к началу.

Значит, опять пирамида... Махнув на все это рукой, друзья продолжили застолье в кругу облепивших их девиц, очень желавших познакомиться с известным режиссером. Время близилось к полуночи, и тусовка постепенно таяла. Совсем пьяненький, ушел под ручку с артистками кордебалета князь. Окруженный новыми вкладчиками, набрав, по-видимому, желаемое число участников, удалился и Миловидов. Гости потихоньку разбрелись. Вечер, что называется, удался.

* * *

Когда наутро Димов проснулся не в своей постели, он долго не мог понять, где он и с кем он. Усиленно стараясь вспомнить, как все-таки закончился этот странный прием, он по привычке потянулся за сигаретами, лежавшими на тумбочке, и, к своему удивлению, их нашел. Приятно затянувшись, он обнаружил вдруг пару зеленых женских глаз, по-видимому, давно уже за ним наблюдавших. Их рыжеволосая обладательница, завернувшись в простыню, сидела сбоку на широкой кровати и улыбалась.

– Ну и чему радуемся? – мрачно поинтересовался Димов, натягивая на тело одеяло.

– Я Лера, хозяйка, – тактично напомнила девушка, – а радуюсь тому, что мы теперь всегда будем вместе.

– Уж и всегда? – усомнился режиссер, затягиваясь сигаретой. – Скоро как-то. А парень ведь я ненадежный, однолюб, поэтому меня все бросают.

– А я не брошу: ты мне нравишься, потому что ты импульсивный и интересный, – ответила Валерия.

– Еще как бросишь – вот буду неделями ничего не видеть, кроме работы, ночевать в студиях, забывать про тебя, бредить по ночам своими героями. Тебе, такой красивой и гордой, все это быстро надоест, – мстительно предупредил Димов. – Знаю я вас, женщин.

– Ничего, сегодня бредил только мной, так теперь и впредь будет, – самоуверенно заявила Лера. – А вчера так прицепился, что Феликс никак не мог тебя увезти домой. Дебоширил тут, столько всего разбил. Решили тебя оставить ночевать.

– Да что ты! – испугался Димов. – А Феликс-то куда смотрел? Что, тоже сильно напился? – виновато спросил Димов. – Это со мной, конечно, бывает. Вот видишь, какой я нехороший. Наверное, еще и приставал?

– Напротив, очень хороший и стеснительный. Я сама тебя соблазнила, говорю же, ты мне интересен.

– Что есть, то есть. Я действительно интересный, даже очень, поверь, – сменил тон Димов. – Только, Лерочка, честно предупреждаю, даже такая красавица и умница, как ты, надолго меня не удержит, ну год, от силы два, а там уж извини... Уж такой я, видать, бракованный.

– А хоть два года, да мои. В такой компании не соскучусь, – отчаянно заявила Валерия.

– Ну смотри, тебе жить, – уже нежно обнимая новую подругу, согласился Димов, вполне довольный таким оборотом дела.

Значит, Господь все-таки послал ему музу, сжалился наконец, решил он про себя. Спасибо Ему за это, конечно, только хлопотно как-то, холостяку проще. Однако с пьянкой надо завязывать – до чего дошло, уже и женщину, с которой был, не помнит, какая она, кто ее знает. Хотя, наверное, приставал-то по пьянке точно. Что было, то было.

Угощая его завтраком, Лера радовалась тому, что слукавила. Как быстро все и сбылось! Вот он, тут, с ней рядом, такой импозантный, интересный, умный. И такой желанный, давно его заметила и влюбилась. А вся нежность у них еще впереди, зачем ему знать, что ничего у них пока не было. Пьяный, он проспал всю ночь один, а под утро она его разыграла. Так даже интереснее. И потом, в любви, как на войне, все приемы хороши. Как жаль, что прямо с утра вчера назначила монтаж интервью писателя и надо ехать в студию, откладывать нельзя, уже завтра эфир. А как хочется побыть вместе! Ну ладно, все еще впереди. И, быстро собравшись, она уехала, оставив его приходить в себя.

Димов пошел в ванную, но бритвы не было, и он просто поплескался в воде, приняв душ. «Ничего хоромы, подходящие», – одобрительно подумал он, разглядывая кучу всяких баночек-скляночек, флаконов с душистыми средствами.

– Вот люди, и все-то у них учтено, и как с этим всем управляться, знают! Истинная женщина! – восхитился он.

Зазвонил мобильный, это оказался Феликс, спрашивал, можно ли зайти, он был у подъезда.

– Заходи, раз уж такой вежливый, один я здесь, – разрешил Димов и подумал: «Деликатный, черт, хотя правильно, мало ли что тут у нас получилось...» – И как же ты меня здесь одного оставил?! – набросился он на вошедшего друга. – Ну что за глупости?

– Постой, так ты же сам остался, – удивился Феликс.

– Ага, и в такой вот альков сам залез, – кивая на роскошную постель, усомнился Димов.

– А то нет? – кивнул второй.

– Да ладно из меня дурака-то делать, – махнул рукой режиссер, – уж Лерка пусть, такие они теперь, бабы, а тебе зачем? Чего ей подыгрываешь?

- Ну не хочешь, пойдем домой, – предложил Феликс.
- Да неудобно как-то, мы вроде обо всем и договорились, – засомневался Димов. – Пускай. Как ты говоришь, муза тоже нужна, на улице такие не валяются.
- А то, – поддержал его верный приятель. – Давай лучше здоровье поправим да в студию поедем. Неужели не понимаешь – повезло тебе, – хозяйничая на кухне, рассуждал второй. – Какая женщина, мне б такую!..
- Чего ж теряешься? – продолжал сомневаться Димов.
- Мне бы свой семейный узел развязать. Совсем под горло затянуло. Катька болеет часто, наверное, гланды вырезать придется. Да аллергия у нее. Сможет ли перенести операцию? А Ирка второго собралась рожать, – сообщил он про жену.
- Ну и плодовитый ты, – удивился Димов, – стараешься, видать!
- Да нет, само собой получается. Позавтракаем? – спросил Феликс, открывая холодильник. – Тут остатки вчерашнего застолья.
- Мне бы кофе с коньячком, голова болит, – пожаловался Димов.
- Еще бы, столько выпили вчера... Ладно, сейчас сварю.
- И, ловко подхватив кофейник, забросил туда уже измельченные зерна, залив их сырой водой. Через минуту благодаря его стараниям вкусно запахло арабикой.
- Мой рецепт, угощайся, – поставил он чашечку перед Димовым.
- И все-то ты здесь знаешь, – подозрительно заметил Димов.
- Ага, братец ее Женька – корешок мой старый, одноклассник, – наливая в рюмку коньяк, рассказывал Феликс. – А в Лерку мы все влюблены были. Да только в юности все это и осталось. Так что не сомневайся, чист я здесь абсолютно.
- Ну смотри, – миролюбиво согласился Димов. – Девка-то она интересная, что называется, огненная.
- «Пускай, будь что будет», – решил он.
- Но если соврал – убью, – предупредил он приятеля.
- Прямо барышня кисейная! Тебя что, под венец прямо сейчас ведут? Будет время еще, разберешься. Все лучше, чем с этим молодняком возиться, – вчера вон от тебя отцепить их не могли. Целая стая набросилась. Так ведь это все ради ролей, – предупредительно заметил Феликс.
- Завидуешь, однако? Что, я сам-то уж ничего и не стою? – обиделся Димов.
- Да стоишь, поэтому Лерка всех и разогнала, а тебя оставила, давно ты ей нравишься, вот и просила тебя притащить, где ей еще познакомиться – ты ведь на тусовки не ходишь.
- Когда мне? Работать надо, – согласился Димов. – Поехали в студию, хочу над Дельфами еще помудрить, кое-что там надо доделать.
- Ну тогда по коням, – скомандовал Феликс, усаживаясь в машину.
- Поехали, – вконец успокоился Димов, мечтая уже о новой встрече с рыжей подружкой.

* * *

Валерия остановила машину около Останкинского пруда, решив немного пройтись. Здесь господствовала весна. Ярко светило апрельское солнце, в зеркальной глади воды отражались ветки деревьев с набухшими почками. Собиралась гроза, и дерзкий весенний ветерок совсем растрепал ее яркую шевелюру. Но это ничуть не тревожило. Сегодня все краски и ноты дня были мажорными. Она давно уже не испытывала такого душевного подъема. Весь мир был ею любим и должен быть с нею в согласии.

«За все Тебя, Господь, благодарю, – пришли на память бунинские строки, – Ты после дня тревоги и печали даруешь мне вечернюю зарю, простор полей и кротость синей дали...»

Как же прекрасны эти стихи и как они созвучны сегодняшнему настроению! Почему так хочется петь, кричать, кружиться в танце? Ах, как хороши такие обновляющие чувства! Нет, она согласна хоть в омут – лишь бы все это переживать снова и снова, лишь бы не было той бездушной рутины, в которой она находилась все последнее время.

В то, что счастье где-то есть, она верила всегда. Пусть даже оно очень далеко, за горами, за лесами и за синими морями. Другое дело, что оно может ее и не коснуться, и не коснуться даже, может быть, никогда. И ничего с этим не поделаешь – таковы уж законы мироздания. Но вот удача: оно само ее нашло и озарило своим золотистым светом! И вот она вся в нем сегодня купается. В довершение Лера опрокинула на себя любимый небесный ковш лепестков белых роз. И миллионы их, благоухающих, словно крупные белые снежинки, окутали весь пруд, всю башню, запутались в проводах и ветвях деревьев, в ее пушистых волосах и ресницах. Вон и идущая навстречу девушка, сладко улыбаясь, радовалась им, тоже мечтая о счастье.

Конечно, за все это счастье для равновесия ей придется скоро заплатить каким-то, может быть, мрачным, даже очень тяжелым переживанием. Но сейчас она не хотела об этом думать, она радовалась своему чувству как никогда. Ведь она давно уже привыкла собирать свое счастье по кусочкам, по каким-то бликам счастливых мгновений. Потому что счастья целиком, наверное, и не бывает. Но соединенные вместе, эти ослепительные моменты дают потом чудесную картину воспоминаний, возможность войти в бескрайнее море блаженства и радости, которого так не хватает в повседневной жизни. Это как в детстве, когда смотришь в игрушечный калейдоскоп, где, как по волшебству, складываются из кусочков зеркал разноцветные картинки, создающие светлый радостный праздник, похожий на веселую карусель.

Это, наверное, еще не любовь, а просто наваждение, но как же прекрасно такое чувство влюбленности! Человеку оно свойственно и даже очень, получается, необходимо! Ведь мы все рождены для счастья, а не для страданий! Она прощала сегодня и отпускала с благодарностью свое прошлое, как жизненный опыт, и оно не давило больше ей на горло. Она не интересовалась будущим. Зачем, ведь на все воля Божья. Так к чему лишние страхи и тревоги? Она жила здесь и сейчас.

– Боже, я снова родилась и с искренней молитвой сдаю себя всю на Твою милость. Сделай только, чтобы это мгновение длилось как можно дольше! – молила ее душа. Сознание наполнилось блаженством, а тело охватила сладкая болезненная истома. – Эгей, мне хорошо, и я этого не боюсь! – бросила она вызов всему свету.

– Гей-гей, – задорно подхватил вызов дерзкий ветерок, – не зазнавайся, надолго ли это?..

– А сколько есть, все мое, мое, мое!.. – так же дерзко прокричала она ему в ответ.

И веселый хоровод бело-розовых лепестков вторил ей вслед: твое, твое, конечно, твое, чье же еще, только твое... Показавшееся крыльцо Останкинского центра немного отрезвило. Достав удостоверение, Лера весело пробежала мимо охраны.

– А, вот мы где, – преградил ей дорогу главный редактор программы.

– Ой, Николай Андреевич, здравствуйте, – растерялась она.

– Здравствуй, здравствуй, красавица наша, – рассмеялся он. – Чего раздумянилась так?

Глаза как ракеты, светятся от счастья.

– А что, разве заметно? – смутилась Лера.

– А то, прямо завидки берут, опять, наверное, какие-нибудь амуры голову кружат, а там тебя твои интервьюируемые ждут. Чего ж опаздываешь?

– Бегу, бегу, – заспешила она дальше.

– Обязательно, только запись, а то еще подерутся в эфире! – крикнул ей вдогонку главный.

«Кстати, какие такие гости? – соображала она на ходу. – А, ну как же, – вспомнила Лера, – редакторы журналов, один, кажется, прокоммунистического, а другой, наоборот, сорвиголова, суперрадикального. Но разве сегодня у нас запись?»

Так, есть такой диалог, проверила она в еженедельнике. Точно, сегодня, как же забыла, совсем из графика выбилась. Ну ничего, сейчас все поправим. И она заскочила в координаторскую уточнить номер студии для записи.

* * *

А приятели поехали на «Мосфильм». Припарковавшись, пошли к себе.

Около двери их ждала Христина.

– Дима, можно тебя? Поговорить надо, – взяла она под локоть режиссера.

– Это что, так срочно? – удивился тот.

– Срочно, Димыч, и очень важно!

Они отошли в сторону.

– Ну, что случилось, чего такая бледная-то? – участливо спросил бывший муж, погладив ее по плечу.

– С Мотькой плохо!

– Чего так? Нездоров, что ли?

– Да нет, не в этом дело, – сказала она.

– Парню двадцать три, взрослый человек, успешный молодой художник. Хорошие эскизы нам к картине тут принес. Я их возьму. В чем дело? – удивился режиссер.

– Да это внешне. А так не в себе он, странные вещи с ним творятся, – тревожно сказала мать. – Ты бы поговорил с ним. Вроде как в секту его какую-то втянули.

– В секту? – удивился Димов. – Он же женился недавно. А где же Василина, жена его? Куда смотрит?

– Василинку он не слушает, отдалился от нее. Она мне жаловалась.

– Где он сейчас-то? – недоумевал Димов. – Дома? Слышь, Феликс, – поделился он с подошедшим другом. – Мотьку в секту затащили.

– Ну это же теперь модно у молодежи. Не переживайте особенно, – успокоил озадаченных родителей Феликс. – Сплошь и рядом такие случаи. Просто молодежь не знает, куда себя деть.

– Что значит куда? У него профессия в кармане – способный художник. Хорошая работа и явные успехи уже. Где, кстати, его эскизы к картине, давай посмотрим, – досадовал Димов.

Принесли эскизы.

– Ой, как здорово! – зашумели собравшиеся вокруг студийцы.

– Вот это Мишель, какой сильный образ! – восхитился Феликс, рассматривая эскиз. – Ну прямо в точку попал. Наш Саня даже на него похож. Я нашел, – не забыл похвалить он и себя.

– Замок, где будет турнир, – восхищалась массовка, – а вот и рыцари в доспехах.

– Король Франции Генрих II, кажется, ну, которому будет предсказана трагическая судьба, – снова заметил Феликс, рассматривая тугой лист ватмана с эскизом.

– А это провансальский городок, – определил оператор Вадим, – узнаваемо, чудная акварель, и будет на чем остановить камеру.

– Интересно, – согласился Димов, – вот чудак, может ведь работать – и почему-то не пришел сегодня. Однако что же с ним там происходит? Ладно, разберемся, – сказал он и отправился работать с актерами.

– Понимаешь, Саша, – сказал он играющему главного героя, – в молодости наш Мишель не может понять, нужен ли ему этот дар. Как-то, приехав в родной дом на каникулы, говорят, что был такой случай в его жизни, увидел во сне страшный ураган, в котором загорится от удара молнии соседский дом, и люди там погибнут от удушья в дыму. Он любил и знал этих людей, рос вместе с их детьми, поэтому решил сказать матери, чтобы она предупредила тетюшку Сюзанну и ее мужа Жака. Пусть они уедут на какое-то время из дома. Мать послуша-

лась и рассказала людям о грозящей опасности. Утром они отправились к родителям жены на другой конец города.

Ночью действительно был страшный ураган. Потоки воды смыли даже несколько строений. Молния подожгла один дом на окраине города, но вода погасила пожар. К несчастью, люди в доме погибли, задохнувшись в дыму. А дом был родителей тетушки Сюзанны.

Узнав об этом, юный Мишель не находил себе места. Чего стоят его предсказания, если он не может помогать людям, предупреждая их? Зачем ему такой бесполезный дар? Этот случай на долгое время отбил у него охоту что-то предсказывать. Он старался подавить в себе этот туманный талант и решил стать врачом, чтобы действительно спасти людей.

А потом, в те времена были очень сильны всякие суеверия, вера в чародеев и колдунов. С другой стороны – церковь с ее инквизицией. Ну надо ли молодому человеку с ней сражаться? А люди с их страхами и угрозами? Вот он и хотел спрятать в себе, закопать этот дар. Жить как все, весело и без забот. Но он, этот дар предвидения, вылезает не спросясь.

Мишель уехал учиться в университет города Монпелье. Студенты-медики время между занятиями проводили весело и жили беззаботно. Они устраивали карнавалы, вечеринки, где избирали на это время своего короля. Звучало много шуток, куплетов, анекдотов. Мишель был всегда в теме. И когда, уже окончив университет, сам стал преподавать, слыл человеком остроумным, его языка многие побаивались.

Александр, молодой, но уже известный актер, что играл Мишеля, был высок, строен, обладал интересным харизматичным лицом. Высокий лоб и большие серые пронизательные глаза выдавали человека умного, но ироничного. Он внимательно слушал Димова, стараясь понять, чего от него хотят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.